УДК 94:27
ББК 86.372.24:86.377

Максим Викторович Медоваров

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Россия, Нижний Новгород, e-mail: mmedovarov@yandex.ru

Полемика Владимира Соловьёва и Александра Киреева о соединении церквей в 1897 году: хронология, контекст, источники¹

Аннотация. Статья посвящена подготовленным к публикации источникам по полемике В.С. Соловьёва и А.А. Киреева о соединении православной и католической церквей в 1897 году, а также заключительному этапу их взаимоотношений в целом. Впервые восстанавливается точная хронология и последовательность первой после десятилетнего перерыва полемики двух мыслителей, протекавшей на страницах нескольких газет и журналов с мая по сентябрь 1897 года. Часть материалов этой полемики никогда не переиздавалась, некоторые статьи переиздавались с серьезными изменениями. Во вступительной статье рассматриваются аргументы Соловьёва и Киреева, а также позиция самих органов печати: «Нового времени», «Московских ведомостей» и «Русского обозрения». Дается оценка контексту, в котором вспыхнул этот спор. В приложении публикуются пятнадцать исторических источников, расположенных в хронологическом порядке. Кроме открытых писем Соловьёва и Киреева друг против друга, публикуются заметки Н.А. Энгельгардта и Б.А. Щетинина об их споре. Впервые вводятся в научный оборот архивные письма Соловьёва А.А. Александрову, а также неопубликованные воспоминания Киреева о Соловьёве (1900-х гг.). При публикации статей двух мыслителей учитываются все разночтения и изменения при сравнении исходных журнальных и газетных текстов с их позднейшими переизданиями в собраниях сочинений.

Ключевые слова: соединение православной и католической Церквей, проект унии Владимира Соловьёва, позднее славянофильство, Брестская уния, богословие Александра Киреева, русская консервативная журналистика

Maksim Viktorovich Medovarov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Docent, Associate Professor of Information Technologies in Humanitarian Studies Department, Russia, Nizhny Novgorod, e-mail: mmedovarov@yandex.ru

The Dispute between Vladimir Solovyov and Alexander Kireev about the Union of Churches in 1897: Chronology, Context, Sources

Abstract. The article is devoted to documents concerning the polemical exchange between Vladimir Solovyov and Alexander Kireev on the unification of the Orthodox and Catholic Churches in 1897 as

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Несобранный и неизданный Соловьёв: проблемы публикации и интерпретации наследия В.С. Соловьёва». Иваново, ИГЭУ, 29–30 сентября 2021 г.

well as the final stage of their relationship on the whole. For the first time, the author reconstructs the exact chronology and sequence of the first set of polemics between the two thinkers after a ten-year break that took place on the pages of several newspapers and journals from May to September 1897 of that year. Some portions of this polemic have never been republished, and some other articles were republished with significant alterations. This introductory article examines the arguments of Solovyov and Kireev, as well as the positions of the respective presses themselves. *Novoye Vremya* [New Time], *Moskovskiyе Vedomosti* [Moscow Gazette] and *Russkoe Obozrenie* [Russian Review]. This article provides an assessment of the context in which this dispute broke out, and the appendix provides a list of fifteen historical sources arranged in chronological order. In addition to the open letters between Solovyov and Kireev directed against each other, notes by Nikolay Engelhardt and Boris Shchetinin concerning this dispute are also included. In addition, for the first time, Solovyov's archival letters to Anatoly Alexandrov as well as Kireev's previously unpublished memoirs about Solovyov (from the 1900s) are also presented. With the publication of the articles by the two thinkers, the present author has taken into account all discrepancies and alterations when comparing the original journal and newspaper texts with their subsequent re-printings in the collected works of Solovyov and Kireev.

Key words: the union of the Orthodox and Catholic Churches, Vladimir Solovyov's project of the Church Union, Late Slavophilism, Brest Union, Alexander Kireev's theology, Russian conservative journalism

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.3.022-064

История взаимоотношений идеолога позднего славянофильства, видного богослова, генерала Александра Алексеевича Киреева (1833–1910) с Владимиром Сергеевичем Соловьевым (1853–1900) охватывает четверть века и полна драматизма. Именно Киреев и его сестра Ольга Алексеевна Новикова (1840–1925) способствовали организации успешной защиты диссертации юного философа, его «Чтений о Богочеловечестве», его поездке в Лондон и защите от цензурных преследований в 80-е годы. Когда симпатии Соловьева обратились к католической церкви, Киреев как ее глубокий знаток и критик, оказался крайне неудобным оппонентом для молодого философа. Генерала невозможно было обвинить ни в каких-либо низких или корыстных мотивах, ни в национализме или превозношении нации над религией. Он последовательно отстаивал вселенский статус православия, однако видел перспективы к соединению не с римско-католической церковью, а с отколовшейся от нее в 1871 году старокаатолической. Поэтому отношения с Киреевым Соловьев полностью разорвал значительно позднее, чем с другими консерваторами и славянофилами, – только в 1887 году. Переписка двух выдающихся мыслителей и богословов неоднократно публиковалась², однако всякий раз заканчивалась именно на 1887 годе. Зарубежные и эмигрантские ученые также сосредоточивали внимание исключительно на полемике Соловьева и Киреева о национализме в указанный пери-

² См.: Соловьев В.С. Письма к А.А. Кирееву // Письма Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 2. СПб.: т-во «Общественная польза», 1909. С. 95–133 [1]; Из переписки Владимира Соловьева с А.А. Киреевым // Русская мысль. 1917. № 8. С. 135–148 [2]; Соловьев В.С. Письма А.А. Кирееву / коммент. А. Носова // Символ. Париж, 1992. № 27. С. 191–254 [3].

од до 1887–1888 годов³. Таким образом, исследователи игнорировали тот факт, что у взаимоотношений Соловьева и Киреева было продолжение десять лет спустя. О нем кратко упомянуто как в статье М.В. Медоварова 2010 года, так и в недавней работе Е.В. Бессчетновой⁴. Специальных исследований о контексте, причинах и последствиях полемики двух мыслителей в периодической печати в 1897 году до сих пор не было; эти события полностью обойдены молчанием даже в книге С.М. Соловьева⁵. Некоторые статьи, являвшиеся частью этой полемики, позднее публиковались с незначительными изменениями в собраниях сочинений Соловьева и Киреева, но некоторые, по необъяснимой причине, не перепечатывались ни разу. Наконец, историками до сих пор не привлекались имеющиеся архивные источники, относящиеся к данному эпизоду. В связи со значимостью вопроса о православно-католических отношениях в целом и о максимально полном освещении интеллектуальной биографии как Соловьева, так и Киреева, ниже в приложении публикуются пятнадцать источников, относящихся к этой незаслуженно забытой полемике 1897 года.

В этой связи имеет смысл реконструировать контекст этого спора и восстановить его точную хронологическую последовательность (как правило, проигнорированную составителями собраний сочинений обоих оппонентов).

После разрыва отношений в 1887 году Киреев относился к Соловьеву крайне негативно, как к безнадежно отпавшему в сторону ненавистного генералу «папизма». Но если еще в 1895 году Киреев резко отрицал принадлежность Соловьева к славянофильству⁶, то после новых статей философа 1895–1896 годов «Значение государства» и «Византизм и Россия» обстоятельства изменились. Как известно, в этих статьях Соловьев обосновал необходимость «самодержавия совести» как богоустановленной власти, ответственной только перед Богом, впервые одобрил опыт Византии за попытку сверхправового внедрения в жизнь начал «высшей правды»⁷. Осуждал философ теперь лишь недостаточное исполнение византийцами на практике своей христианской миссии, но никак не сам принцип ее строя: «Истинную идею они понимали и при-

³ См.: Zernov N.M. *Three Russian prophets: Khomiakov, Dostoevsky, Soloviev*. London: S.M.C. Press, 1944. P. 146–148 [4]; Kadić A. Vladimir Soloviev and Bishop Strossmayer // *American Slavic and East European Review*. Vol. 20. No. 2 (April 1961). P. 163–188 [5]; Gaut G. Can a Christian be a Nationalist? Vladimir Solov'ev's Critique of Nationalism // *Slavic Review*. Vol. 57. No. 1 (Spring 1998). P. 77–94 [6].

⁴ См.: Медоваров М.В. К истории взаимоотношений А.А. Киреева и Вл.С. Соловьева // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2010. № 1. С. 234–239 [7]; Бессчетнова Е.В. Диалог В.С. Соловьева и А.А. Киреева о путях и характере христианского единства // *Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии*. 2019. № 2(6). С. 27–36 [8].

⁵ См.: Соловьев С.М. *Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция*. М.: Республика, 1997. С. 317–326 [9].

⁶ Киреев А.А. Наши противники и наши союзники // *Сочинения в 2 т.* Т. 2. СПб.: А.С. Суворин, 1912. С. 153, 157 [10].

⁷ Соловьев В.С. *Значение государства* // *Сочинения в 2 т.* М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 549–561 [11]; Соловьев В.С. *Византизм и Россия* // Там же. С. 588–589 [12].

меняли неверно»⁸. В обеих статьях проводилась мысль, что лишь в последние века существования Византии она утратила внутренний смысл своего прежнего существования и потому погибла, передав свою миссию России. Во всяком случае, содержание данных работ никак нельзя понимать в смысле «окончательного приговора над византизмом»⁹, как это сделал племянник философа.

По мнению Соловьева, выраженному в этих статьях, Россия также вначале шла по верному пути, пока Иван Грозный не повторил византийскую ошибку и, вполне справедливо отвергнув принцип демократии, не впал одновременно в грех личного произвола вопреки божественной воле. Заметим, что в осуждении деспотизма Ивана IV славянофил Киреев не отличался от Соловьева, но для него была неприемлема мысль философа, что Россия с тех пор по-язычески обожевила царскую власть (легенда о происхождении царских регалий от Навуходоносора). Соловьев положительно оценил патриаршество как реакцию церкви на это, но указал на недостаточную духовность русской церкви, приведшую к расколу XVII века. Отныне, по мнению философа, России только предстоит стать по-настоящему христианским царством и сделаться «достойной существования». Парадоксальным образом путь к этому Соловьев усматривал в применении славянофильских понятий к деятельности Петра I: не ограничивать самодержавную власть никакими внешними конституциями, но «восполнить ее внутренне другим, нравственным началом – советом»¹⁰. Соловьев обнаружил «совет лучших людей» (формулу, всегда разделявшуюся Киреевым и другими поздними славянофилами) даже внутри католической церкви (в ее епископате) и намекал на то, что необходимый религиозный авторитет Россия может получить от папы римского, а нравственный совет – от пророка (под которым он подразумевал самого себя). В целом «Значение государства» и «Византизм и Россия» произвели сенсацию и среди либералов, и среди консерваторов, показав позицию Соловьева с неожиданной для современников стороны¹¹.

Киреев уже в 1896 году написал «Критические заметки», дав высокую оценку этим статьям философа и противопоставив их «Московскому сборнику» К.П. Победоносцева: «У него находим мы много справедливого, с чем мы охотно соглашаемся; он, несомненно, прав в том, что он говорит об отношениях между Церковью и государством» [14, с. 263]. В то же время намеки Соловьева на необходимость обращения России к соединению с католической церковью по-прежнему вызывали острое неприятие генерала. Однако достоянием общественности новые оценки Киреева стали не сразу, а лишь после его речи 11 мая 1897 года в Славянском благотворительном обществе. Сокращенно смысл речи генерала был сразу же пересказан в одном маленьком абзаце в «Новом времени» (см. Приложе-

⁸ См.: Соловьев В.С. Византизм и Россия. С. 563.

⁹ См.: Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 314.

¹⁰ См.: Соловьев В.С. Византизм и Россия. С. 586.

¹¹ См.: Межуев Б.В. «Значение государства» – византийская идея на страницах либерального журнала // Соловьевские исследования. 2020. № 3 (67). С. 10–25 [13].

ние, № 1)¹². Из опубликованного репортажа следовало, что Киреев, вполне соглашаясь с устремлениями своего оппонента к исцелению язв синодального строя русской православной Церкви путем обращения к вселенскому христианству, категорически отказывал папскому Риму в праве претендовать на такой вселенский статус. Он обвинял Соловьёва в желании заключить формальную унию типа Брестской, в «замаскированном переходе в латинство». Подобные подозрения Киреева основывались на давней позиции папы Льва XIII и в особенности на его энциклике 1894 года *Praeclara Gratulationis Publicae*, в которой многие усматривали прямое влияние соловьёвских идей¹³.

Правда, сам текст речи Киреева на тот момент оставался неопубликованным. Однако даже напечатание его «реферата» вызвало немедленный ответ Соловьёва в «Новом времени» уже 14 мая 1897 года, позднее неоднократно переиздававшийся. В нем философ утверждал, что ожидает не «внешней официальной унии», а всеобъемлющего духовного примирения церквей (см. Приложение, № 2)¹⁴. 17 мая Киреев выступил в той же газете с развернутым ответом, в котором выражал удивление отречением Соловьёва от формальной унии Брестского типа и требовал дать «точный и формальный ответ» (возможно, даже в зарубежной прессе), какой именно унии он желает (см. Приложение, № 3)¹⁵. Уже на следующий день философ ответил, что будет отвечать на данные вопросы только без цензуры, при условии свободного обсуждения религиозных вопросов в России (см. Приложение, № 4)¹⁶. Примечательно, что данная заметка Соловьёва не переиздавалась ни в одном из его собраний сочинений или писем. Наконец, 21 мая был опубликован последний ответ Киреева, в котором он, отказываясь считать цензурные препятствия сколь-нибудь серьезной помехой к обсуждению вопроса о соединении церквей по существу, предлагал перенести полемику за границу (см. Приложение, № 5)¹⁷.

На следующий день после этого Н.А. Энгельгардт подвел черту под полемикой двух мыслителей в «Новом времени» (см. Приложение, № 6)¹⁸. Обвинив их обоих в многословных и бесплодных рассуждениях на «школьном», «интеллигентском жаргоне», от которых нисколько не зависела реальная судьба православия и католицизма, критик призвал Соловьёва и Киреева к благоговейному молчанию о вере и церкви. Энгельгардта, по его собственным словам, вполне удовлетворяло «благоепие церковное» как выражение «народной веры». Избранная критиком позиция была крайне уязвима: в его статье ни разу не был упомянут Бог, Иисус Христос, а речь шла только о «народной душе» как о чем-то имманентном.

¹² См.: Торжественное собрание Славянского благотворительного общества // Новое время. 1897. 12 (24) мая, № 7616. С. 2 [15].

¹³ См.: Бессчетнова Е.В. Указ. соч. С. 32–34.

¹⁴ См.: Соловьёв В.С. Письмо в редакцию // Новое время. 1897. 14 (26) мая, № 7618. С. 4 [16].

¹⁵ См.: Киреев А.А. Письмо в редакцию // Новое время. 1897. 17 (28) мая, № 7621. С. 3 [17].

¹⁶ См.: Соловьёв В.С. Письмо в редакцию // Новое время. 1897. 18 (30) мая, № 7622. С. 3 [18].

¹⁷ См.: Киреев А.А. Письмо в редакцию // Новое время. 1897. 21 мая (2 июня), № 7625. С. 3 [19].

¹⁸ См.: Энгельгардт Н.А. Из дневника // Новое время. 1897. 22 мая (3 июня), № 7626. С. 3 [20].

Это была та самая опасность подмены вселенского христианства национальным самолюбованием, против которой в равной мере всегда категорически выступали и Соловьев, и Киреев. Они критиковали за данный уклон даже К.П. Победоносцева, и уж тем более не могла прекратить начавшуюся полемику заметка Н.А. Энгельгардта, пусть даже получившая полное одобрение со стороны «Московских ведомостей» (см. Приложение, № 7 и № 8)¹⁹. Месяц спустя «Московские ведомости» в лице обозревателя текущей периодической печати Б.А. Щетинина полностью поддержали точку зрения Киреева (см. Приложение, № 9)²⁰.

К этому времени, однако, ситуация значительно изменилась. В начале июня вышел очередной номер «Русского обозрения» (консервативного журнала под редакцией А.А. Александрова), в котором впервые был опубликован полный текст «Критических заметок» Киреева (см. Приложение, № 10), из которых приблизительно две трети текста были направлены на критику Победоносцева и треть – на критику Соловьева²¹. Основной текст статьи, написанный еще годом ранее, остался без изменений, но к нему были добавлены почти четыре страницы постскриптума Киреева, в которых он кратко излагал суть майской полемики в «Новом времени», утверждал, что Соловьев до сих пор так и не разъяснил свое понимание идеальной унии²². Вновь ссылаясь не только на «Византизм и Россию», но и на книгу «Россия и вселенская Церковь» 1887 года, на тот момент изданную только на французском языке, генерал обвинял своего оппонента в поддержке деспотических притязаний «непогрешимого» папы римского.

Возмущенный Соловьев, ответ которого на сей раз отказалось размещать «Новое время» (А.С. Суворин, очевидно, не желал возобновления полемики), обратился к редактору «Русского обозрения». Этой теме преимущественно были посвящены единственные два письма Соловьева Анатолию Александрову, отложенные в Российском государственном архиве литературы (см. Приложение, № 11 и 12). Данный шаг, несомненно, тяжело дался философу: в период редакторства князя Д.Н. Цертелева он сам в 1890–1891 годах активно сотрудничал в «Русском обозрении», но затем был вынужден уйти из журнала и при редакции А.А. Александрова ни он, ни люди его круга там уже не публиковались²³ (за исключением старшего брата – Всеволода Соловьева, с которым философ находился в неприязненных отношениях).

Тогда же, 17 июня 1897 года, Владимир Соловьев был вынужден написать Александрову, что Киреев «наврал» на него «как на мертвого с помощью фальшивых цитат» и что он теперь вправе требовать публикации опроверже-

¹⁹ См.: Дневник печати // Московские ведомости. 1897. 25 мая, № 142. С. 3 [21]; Дневник печати // Московские ведомости. 1897. 27 мая, № 144. С. 2 [22].

²⁰ См.: Б.Щ. [Щетинин Б.А.] Журнальные новости // Московские ведомости. 1897. 27 июня, № 174. С. 2 [23].

²¹ См.: Киреев А.А. Критические заметки // Русское обозрение. 1897. № 6. С. 808–842 [24].

²² Там же. С. 839–842.

²³ См.: Медоваров М.В. Владимир Соловьев и «Русское обозрение»: журнал в судьбе автора и автор в судьбе журнала // Соловьевские исследования. 2019. Вып. 1(61). С. 37–57 [25].

ния. Мыслитель усиленно подчеркивал свое уважительное отношение к Александру в память их прежних «встреч у К.Н. Леонтьева и А.А. Фета» и даже передавал благодарность от своей возлюбленной Софьи Хитрово за «Русское обозрение», «которое она читает с большим интересом»²⁴. По-видимому, редактор журнала сразу дал свое согласие напечатать очередной ответ Соловьева. Это вытекает из следующего письма (без даты, но явно написанного несколько дней спустя), в котором Соловьев поблагодарил Александра «за скорый ответ» и указал на опечатку в уже готовой корректуре его ответа²⁵.

Таким образом, уже в начале июля 1897 года в новом номере «Русского обозрения» появился последний ответ Соловьева в рамках данной полемики (см. Приложение, № 13)²⁶. Указывая на три случая фактических ошибок Киреева при цитировании его работ, философ требовал указать хотя бы на одну страницу любого его сочинения, где бы он когда-либо проповедовал унию. Однако при этом Соловьев ничуть не отрекался от своих сочинений 80-х годов и снова цитировал свои слова из «России и вселенской Церкви» о «вселенской теократии» и «интеллектуальной и моральной связи России с вселенской Церковью», тем самым давая повод к новым подозрениям в своих папских симпатиях.

Киреев не имел возможности ответить Соловьеву немедленно: в это время он только успел вернуться из своей поездки в Лондон, где по личному указанию Николая II вместе с архиепископом Антонием (Вадковским) представлял Россию на «бриллиантовом юбилее» королевы Виктории и заодно прощупывал почву для переговоров о соединении с англиканской, а вовсе не римско-католической церковью. К 28 июля Киреев закончил писать развернутый ответ Соловьеву, который, однако, Александр уже не мог успеть напечатать в августовской книжке «Русского обозрения» и в итоге опубликовал в сентябрьской (см. Приложение, № 14)²⁷.

Справедливо указав на то, что первые две претензии Соловьева о неверном цитировании его «Византизма и России» являлись несущественными, не относящимися к сути спора, Киреев сосредоточил свое внимание на поиске цитат из «России и вселенской Церкви» и «Русской идеи», в которых Соловьев, не произнося никогда самого слова «уния», фактически вел речь именно о соединении православных с римо-католиками под властью папы при сохранении свободы в обрядовых различиях, а также о необходимости политического союза с могущественной Россией для реставрации позиций папы в Западной Европе. Киреев делал вывод: «Итак, мы видели: 1) что г. Соловьев признает непогрешимого папу – главой всей Церкви и верховным судьей в делах веры; 2) что он полагает, что Россия (славянский мир) должна отдать себя в распоряжение этого папы» [28, с. 395]. Это, заключал генерал, есть самая обычная уния типа Брестской, только во всероссийском масштабе, стало быть, Соловьев стремится именно к

²⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 734. Л. 1 [26].

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ См.: Соловьев В.С. Письмо в редакцию // Русское обозрение. 1897. № 7. С. 472–474 [27].

²⁷ См.: Киреев А.А. Письмо в редакцию // Русское обозрение. 1897. № 9. С. 389–405 [28].

ней. Наконец, Киреев добавлял любопытное замечание о роли хорватского епископа Штроссмайера²⁸: позитивно оценивая его прежние заслуги на ниве сближения славянских народов, его пророссийскую ориентацию и его недолгое сопротивление догмату о безошибочности папы *ex cathedra* в 1870 году, теперь Киреев, однако, считал нужным указать на усиление отрицательных черт в деятельности этого друга Соловьева – на его полное подчинение папскому курсу и неприглядную роль в насаждении католицизма в Боснии и Герцеговине.

Все-таки Киреев намеревался оставить открытым путь к дальнейшему диалогу с Соловьевым. Он напоминал, что славянофилы в принципе точно так же смотрят на цель воссоединения христианских церквей, отличаясь лишь тем, что не отождествляют католическую церковь с чаемой идеальной вселенской: «Да кто же отказался бы подчиниться папе, если бы он *был действительно непогрешим?* <...> Но беда-то в том, *что ничего этого нет, что папа совсем не непогрешим*» [28, с. 398].

Чтобы читатели не искали в сентябре 1897 года майские номера «Нового времени», Киреев решил напомнить предыдущий ход полемики и целиком включил в состав своей статьи четыре заметки – две своих и две соловьевских. Однако ответа Соловьева на очередное предложение прямо разъяснить свое понимание унии больше не последовало. Это можно объяснить не только боязнью цензурных преследований, но и тем, что аргументы философа были исчерпаны. После того как Киреев доказал, что после Ватиканского собора 1870 года папа получил право говорить *ex cathedra* без всяких консультаций с епископами или соборами, один из главных доводов Соловьева рушился сам собой. Таким образом, полемика двух мыслителей 1897 года о католичестве и унии закончилась. Это было тем более закономерным, что российской общественностью в то время данный вопрос явно не воспринимался как приоритетный: среди скептиков, в принципе исключавших возможность соединения церквей с разными обрядами, был не только Энгельгардт, но и Победоносцев, и В.В. Розанов, и многие другие.

Тем не менее Киреев и позднее продолжал ценить (и даже переоценивать заново) Соловьева. Например, в декабре 1901 года, когда покойный философ понадобился генералу как союзник в деле защиты классического образования в гимназиях, он заметил: «С Соловьевым нельзя было соглашаться, когда он увлекался римско-католической Церковью, но нельзя и не признать в нём одного из наших культурнейших свободомыслящих людей» [29, с. 408]. Еще один уникальный документ находится в фонде Киреева в отделе рукописей Российской национальной библиотеки и представляет собой относящиеся к 1900-м годам (без точной даты) наброски воспоминаний под названием «Характеристика Владимира Сергеевича Соловьева» (см. Приложение, № 15)²⁹. Их можно уверенно назвать конечной точкой в размышлениях Киреева о своем былом друге, протее и оппоненте. Бросается в глаза, что и здесь на первый план генерал выставлял проблему отношения Соловьева к католицизму и воссоединению церквей, вновь прямо обвинив его в про-

²⁸ См. о нем: Kadić A. Op. cit. [4]

²⁹ ОР РНБ. Ф. 349. Д. 4. Л. 1–4 [30].

паганде унии. Явный отголосок полемики 1897 года в ее сравнении с соловьевскими сочинениями 80-х годов слышен в следующих словах: «Впоследствии Соловьев возвратился к более правильному взгляду на вещи, хотя папа для него всё же оставался “главой” церкви» [30, л. 3об.].

Таким образом, материалы последней полемики Киреева и Соловьева позволяют более широко и детально взглянуть на вопрос о частичном изменении взглядов автора «Русской идеи» на католицизм и унию в конце 90-х годов, а также углубить наши представления о позднем славянофильстве, ничуть не уступавшем Соловьеву в отвержении церковного национализма, но видевшего путь к вселенской христианской Церкви отнюдь не на пути сближения с папством.

Ниже публикуются тексты пятнадцати источников, послуживших основой рассмотрения выявленной проблемы. Три из них (документы № 11, 12 и 15) ранее не публиковались и печатаются по рукописным оригиналам, семь других – не переиздавались ни разу после 1897 года, еще пять были включены в собрания сочинений Соловьева и Киреева, однако с рядом искажений и будучи вырванными из контекста всей полемики. В случае с перепечатками газетных и журнальных материалов мы придерживались текста первой публикации, отмечая в примечаниях разночтения с более поздними изданиями (рукописные оригиналы данных статей не выявлены). Особо отметим, что все публикуемые письма Соловьева Кирееву и Александрову не были включены в собрания его сочинений и писем под редакцией Э.Л. Радлова. Таким образом, впервые закрывается важная источниковая лакуна в сфере как соловьевских исследований, так и исследований позднего славянофильства и русской общественной мысли конца XIX века в целом.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Письма к А.А. Кирееву // Письма Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 2. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1909. С. 95–133.
2. Из переписки Владимира Соловьева с А.А. Киреевым // Русская мысль. 1917. № 8. С. 135–148.
3. Соловьев В.С. Письма А.А. Кирееву / коммент. А. Носова // Символ. Париж, 1992. № 27. С. 191–254.
4. Zernov N.M. Three Russian prophets: Khomiakov, Dostoevsky, Soloviev. London: S.C.M. Press, 1944. P. 146–148.
5. Kadić A. Vladimir Soloviev and Bishop Strossmayer // American Slavic and East European Review. April 1961. Vol. 20, No 2. P. 163–188.
6. Gaut G. Can a Christian be a Nationalist? Vladimir Solov'ev's Critique of Nationalism // Slavic Review. Spring 1998. Vol. 57, No 1. P. 77–94.
7. Медоваров М.В. К истории взаимоотношений А.А. Киреева и Вл.С. Соловьева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 234–239.
8. Бессчетнова Е.В. Диалог В.С. Соловьева и А.А. Киреева о путях и характере христианского единства // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2(6). С. 27–36.
9. Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. 431 с.

10. Киреев А.А. Наши противники и наши союзники // Киреев А.А. Сочинения в 2 т. Т. 2. СПб.: А.С. Суворин, 1912. С. 149–158.
11. Соловьев В.С. Значение государства // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 549–561.
12. Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 562–601.
13. Межуев Б.В. «Значение государства» – византийская идея на страницах либерального журнала // Соловьевские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 10–25.
14. Киреев А.А. Критические заметки // Киреев А.А. Сочинения в 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 255–268.
15. Торжественное собрание Славянского благотворительного общества // Новое время. 1897. 12(24) мая. № 7616. С. 2.
16. Соловьев В.С. Письмо в редакцию // Новое время. 1897. 14(26) мая. № 7618. С. 4.
17. Киреев А.А. Письмо в редакцию // Новое время. 1897. 17(28) мая. № 7621. С. 3.
18. Соловьев В.С. Письмо в редакцию // Новое время. 1897. 18(30) мая. № 7622. С. 3.
19. Киреев А.А. Письмо в редакцию // Новое время. 1897. 21 мая (2 июня). № 7625. С. 3.
20. Энгельгардт Н.А. Из дневника // Новое время. 1897. 22 мая (3 июня). № 7626. С. 3.
21. Дневник печати // Московские ведомости. 1897. 25 мая. № 142. С. 3.
22. Дневник печати // Московские ведомости. 1897. 27 мая. № 144. С. 2.
23. Б.Щ. [Щетинин Б.А.] Журнальные новости // Московские ведомости. 1897. 27 июня. № 174. С. 2.
24. Киреев А.А. Критические заметки // Русское обозрение. 1897. № 6. С. 808–842.
25. Медоваров М.В. Владимир Соловьев и «Русское обозрение»: журнал в судьбе автора и автор в судьбе журнала // Соловьевские исследования. 2019. Вып. 1(61). С. 37–57.
26. Письма Вл.С. Соловьева А.А. Александрову // РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 734. Л. 1–3.
27. Соловьев В.С. Письмо в редакцию // Русское обозрение. 1897. № 7. С. 472–474.
28. Киреев А.А. Письмо в редакцию // Русское обозрение. 1897. № 9. С. 389–405.
29. Киреев А.А. О предстоящей реформе нашего образования // Киреев А.А. Сочинения в 2 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 390–413.
30. Киреев А.А. Характеристика Владимира Сергеевича Соловьева // ОР РНБ. Ф. 349. Д. 4. Л. 1–4.

References

(Sources)

Collected Works

1. Kireev, A.A. Kriticheskie zametki [Critical Notes], in Kireev, A.A. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vol., vol. 1]. Saint-Petersburg: A.S. Suvorin, 1912, pp. 255–268.
2. Kireev, A.A. Nashi protivniki i nashi soyuzniki [Our Opponents and Our Allies], in Kireev, A.A. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Saint-Petersburg: A.S. Suvorin, 1912, pp. 149–158.
3. Solov'ev, V.S. Pis'ma k A.A. Kireevu [Letters to A.A. Kireev], in *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva. T. 2* [Letters by Vladimir Sergeevich Solovyov. Vol. 2]. Saint-Petersburg: Tovari-shchestvo «Obshchestvennaya pol'za», 1909, pp. 95–133.
4. Solov'ev, V.S. Vizantizm i Rossiya [Byzantism and Russia], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 562–601.
5. Solov'ev, V.S. Znachenie gosudarstva [The Meaning of State], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 549–561.

Individual Works

6. Dnevnik pechati [Press Diary], in *Moskovskie vedomosti*, 1897, 25 May, no. 142, p. 3.
7. Dnevnik pechati [Press Diary], in *Moskovskie vedomosti*, 1897, 27 May, no. 144, p. 2.
8. Engel'gardt, N.A. Iz dnevnika [From the Diary], in *Novoe vremya*, 1897, 22 May (3 June), no. 7626, p. 3.

9. Iz perepiski Vladimira Solov'eva s A.A. Kireevym [From the Correspondence between Vladimir Solovyov and Alexander Kireev], in *Russkaya mysl'*, 1917, no. 8, pp. 135–148.
10. Kireev, A.A. Kharakteristika Vladimira Sergeevicha Solov'eva [A Characterization of Vladimir Sergeevich Solovyov], in *OR RNB*, coll. 349, inv. 1, file 4, ll. 1–4.
11. Kireev, A.A. Kriticheskie zametki [Critical Notes], in *Russkoe obozrenie*, 1897, no. 6, pp. 808–842.
12. Kireev, A.A. O predstoyashchey reforme nashego obrazovaniya [On the Forthcoming Reform of Our Education], in Kireev, A.A. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Saint-Petersburg: A.S. Suvorin, 1912, pp. 390–413.
13. Kireev, A.A. Pis'mo v redaktsiyu [A Letter to the Editor Board], in *Novoe vremya*, 1897, 17 (28) May, no. 7621, p. 3.
14. Kireev, A.A. Pis'mo v redaktsiyu [A Letter to the Editor Board], in *Novoe vremya*, 1897, 21 May (2 June), no. 7625, p. 3.
15. Kireev, A.A. Pis'mo v redaktsiyu [A Letter to the Editor Board], in *Russkoe obozrenie*, 1897, no. 9, pp. 389–405.
16. [Shchetinin, B.A.] B. Shch. Zhurnal'nye novosti [Journal News], in *Moskovskie vedomosti*, 1897, 27 June, no. 174, pp. 2.
17. [Solov'ev, V.S.] Pis'ma Vl.S. Solov'eva A.A. Aleksandrovu [Letters from Vladimir Solovyov to Anatoly Alexandrov], in *RGALI*, coll. 2, inv. 1, file 734, ll. 1–3.
18. Solov'ev, V.S. Pis'ma A.A. Kireevu [Letters to A.A. Kireev], in *Simvol* (Paris), 1992, no. 27, pp. 191–254.
19. Solov'ev, V.S. Pis'mo v redaktsiyu [A Letter to the Editor Board], in *Novoe vremya*, 1897, 14 (26) May, no. 7618, p. 4.
20. Solov'ev, V.S. Pis'mo v redaktsiyu [A Letter to the Editor Board], in *Novoe vremya*, 1897, 18 (30) May, no. 7622, p. 3.
21. Solov'ev, V.S. Pis'mo v redaktsiyu [A Letter to the Editor Board], in *Russkoe obozrenie*, 1897, no. 7, pp. 472–474.
22. Torzhestvennoe sobranie Slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva [The Solemn Meeting of Slavic Charitable Society], in *Novoe vremya*, 1897, 12(24) May, no. 7616, p. 2.

(Articles from Scientific Journals)

23. Besschetnova, E.V. Dialog V.S. Solov'eva i A.A. Kireeva o putyakh i kharaktere khristianskogo edinstva [The Dialogue of V.S. Solovyov and A.A. Kireev on the Ways and Nature of Christian Unity], in *Filosofskiy polilog: zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii*, 2019, no. 2(6), pp. 27–36.
24. Gaut, G. Can a Christian be a Nationalist? Vladimir Solov'ev's Critique of Nationalism, in *Slavic Review*, Spring 1998, vol. 57, no. 1, pp. 77–94.
25. Kadić, A. Vladimir Soloviev and Bishop Strossmayer, in *American Slavic and East European Review*, April 1961, vol. 20, no. 2, pp. 163–188.
26. Medovarov, M.V. K istorii vzaimootnosheniy A.A. Kireeva i Vl.S. Solov'eva [Tp the History of Relations between A.A. Kireev and V.S. Solovyov], in *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2010, no. 1, pp. 234–239.
27. Medovarov, M.V. Vladimir Solov'ev i «Russkoe obozrenie»: zhurnal v sud'be avtora i avtor v sud'be zhurnala [Vladimir Solovyov and “Russkoe Obozrenie”: the Journal in the Author's Fate and the Author in the Journal's Fate], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, issue 1(61), pp. 37–57.
28. Mezhuiev, B.V. «Znachenie gosudarstva» – vizantiyskaya ideya na stranitsakh liberal'nogo zhurnala [“The Meaning of State” – the Byzantine Idea on the Pages of the Liberal Journal], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 3(67), pp. 10–25.

(Monographs)

29. Solov'ev, S.M. *Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya* [Vladimir Solovyov. His Life and Creative Evolution]. Moscow: Respublika, 1997. 431 p.

30. Zernov, N.M. Three Russian prophets: Khomiakov, Dostoevsky, Soloviev. London: S.C.M. Press, 1944. 171 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1. Торжественное собрание Славянского благотворительного общества³⁰

Сегодня, 11 мая, в день первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, в зале Городского кредитного общества происходило торжественное собрание Славянского благотворительного общества. Обширная зала, как всегда, была переполнена публикою, светскою и духовною. На эстраде, под сенью хоругви с изображением свв. первоучителей, находились: высокопреосвященные Феогност, архиепископ новгородский и старорусский, Антоний, архиепископ Выборгский и финляндский, епископ Иоанн, ректор СПб. духовной академии, председатель общества граф Н.П. Игнатьев, генерал-лейтенанты Е.В. Богданович, А.А. Киреев и барон Н.Ф. Мейендорф, д.т.с.³¹ А.Ф. Бычков, т.с.³² Н.М. Галкин-Враский, сенатор П.А. Сабуров, болгарский дипломатический агент Станчев и др. лица.

Собрание открылось тропарем св. Кириллу и Мефодию, пропетым хором А.А. Архангельского. Затем граф Н.П. Игнатьев предложил почетным председателем высокопреосвященного Феогноста. Собрание единодушно приняло это предложение.

Ораторскую кафедру занял генерал А.А. Киреев. Он посвятил свою речь критическому разбору двух статей «Московского Сборника» К.П. Победоносцева (о церкви и о печати) и статьи Вл.С. Соловьева в «Вестнике Европы». Соглашаясь с «Московским Сборником» в понимании отношений государства к церкви, оратор признал справедливыми и указания на недостатки нашей церковной жизни. Эти недостатки он считает очень серьезными и требующими немедленного уврачевания. «Московский сборник», в целях такого уврачевания, по-видимому, надеется на развитие и просветление субъективного, «интимного» религиозного чувства, столь сильного в русском народе, и на развитие националистического элемента в нашей церкви. Генерал Киреев с этим не согласен и видит исход наших затруднений в развитии объективной стороны христианского чувства и в возвращении к практике и учению древней Вселенской церкви первого тысячелетия. Только при этих условиях, по его мнению, возможно будет разрешить те грозные задачи внешней и внутренней жизни нашей церкви, которые ставит нам история и которые требуют от нас величайших, и притом осмысленных усилий и жертв.

С Вл.С. Соловьевым генерал Киреев отчасти соглашается, именно в понимании отношений церкви к государству, но он совершенно расходится с ним в средствах устранения недостатков нашей церковной жизни. Вл.С. Соловьев видит спасение лишь в унии с Римом, в подчинении папе. По мнению ген. Киреева, такой способ лечения хуже самой болезни. Он удивляется, как может апологет римского католичества предлагать теперь, в исходе XIX столетия, нам, православным, унию с латинством? Ведь это ни что иное, как апостазия, замаскированный переход в

³⁰ Новое время. 1897. 12 (24) мая, № 7616. С. 2.

³¹ Действительный тайный советник.

³² Тайный советник.

латинство, отказ от своей христианской свободы, без которой немислимо и христианство. Мы знаем, – заявил генерал Киреев, – что значит уния, к чему она привела западную Россию, и видим, что теперь делается в Галиции, в Боснии и Герцеговине. Нет, выход и из этих наших зол один – возвращение к учению и практике древней вселенской церкви...

Граф Н.П. Игнатьев объявил перерыв. Хор Архангельского исполнил несколько болгарских и сербских песен. Затем А.А. Киреев продолжил свою речь. Он перешел к тому, что говорится в «Московском Сборнике» о печати, и признал правильными, хотя и преувеличенными, обвинения против нашей повременной печати. Однако оратор высказал сомнение в возможности поправить современные недостатки печати разными цензурными уставами и регламентациею, и указал на некоторые *ria desideria*, некоторые общие условия ее нормальной жизни. Так, он пожелал, чтобы печать была дана большая свобода, соединенная, впрочем, параллельно и с большею ответственностью; чтобы те, от кого зависит судьба печатного слова, были бы готовы выслушивать не только приятную им правду, но и неприятную – иначе слово попадет в руки льстецов и лицемеров, и тогда ни общество, ни само правительство не будут в состоянии знать истину. Далее, генерал Киреев пожелал, чтобы подобная свобода была дана как славянофилам, так и их противникам, что создаст благоприятные условия для полемики. Наконец, оратор безусловно отверг обвинение, направленное «Московским Сборником» против славянофилов – будто они идут рука об руку с поборниками революции и западными конституционалистами. На Западе, – по словам генерала Киреева, – печать, соединенная с парламентскими партиями, ставит себя выше правительства, а славянофилы видят в ней одно из средств сообщать и разъяснять обществу и самому правительству истинное положение дел, знакомить с нравственными нуждами, с стремлениями вверенного Царю народа. Печать, по мнению славянофилов, должна иметь не решающий, как на Западе, а совещательный голос. Она должна не слепо «оппонировать», а делать великое «Государево Дело»...

Собрание закончилось пением тропаря свв. Кириллу и Мефодию.

№ 2. Соловьев В.С. Письмо в редакцию «Нового времени»³³

М.<илостивый> г.<осударь>. Ввиду существенной неточности относящихся ко мне слов почтенного ген. А.А. Киреева (в последнем заседании Славянского благотворительного общества), считаю нужным еще раз повторить то, что неоднократно мною заявлялось с 1883 года.

1) Никакой внешней официальной унии с Римом (в смысле А.А. Киреева) я никогда не предлагал, во-первых, потому, что считаю ее невозможной, во-вторых, потому, что нахожу ее нежелательной, и, в-третьих, потому, что никаких полномочий для переговоров о ней никогда не имел от предрержащих властей той или другой стороны.

³³ Новое время. 1897. 14 (26) мая, № 7618. С. 4. Трижды переиздавалось: Русское обозрение. 1897. № 9. С. 399–400; Письма Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 3. СПб., 1911. С. 183–184; Соловьев В.С. Письмо в редакцию газеты «Новое время» // Сочинения. Т. 2. М., 1989. С. 622. Публикуется по первому изданию с учетом разночтений во всех остальных.

2) Принадлежащее всякому христианину полномочие, о котором говорит ап. Иоанн Богослов («имеете помазание от Святого и ведаете все»³⁴), побуждает меня судить о междущерковных отношениях лишь в том смысле: согласны ли они с духом Христовым? Как явно чуждые этому духу, они не могут быть признаны нормальными.

3) Целое тысячелетие таких антихристианских отношений неизбежно породило тучу всяких недоразумений и предвзятых мыслей, и первый практический шаг к тому, чтобы поставить церковное дело на истинно христианскую почву, есть открытое, всестороннее и безбоязненное обсуждение всех религиозных и церковных вопросов, а для этого необходима у нас прежде всего полная свобода богословского и церковно-исторического исследования, без чего невозможно правильное внутреннее движение религиозной мысли и чувства. Без такого движения духовная жизнь общества слабеет, а при духовном сне, что может дать наружное, формальное соединение церквей, кроме лишнего кошмара?

В этом деле, как и во всяком другом, внешний результат не зависит от нас, но он и не имел бы важности сам по себе. А то, что важно и чем решается дело, то в нашей власти: неутомимое искание правды с искренним желанием мира.

Владимир Соловьёв.

№ 3. Киреев А.А. Письмо в редакцию «Нового времени»³⁵

М.<илостивый> г.<осударь>.

В № 7618 «Нового Времени» (14-го мая³⁶) напечатано письмо В.С. Соловьёва, в ответ на речь, произнесенную мною 11-го мая в торжественном заседании Славянского благотворительного общества (краткий реферат которой тоже появился в «Новом Времени»). Ответу г. Соловьёва я искренно рад. Может быть, мы, в конце концов, до чего-нибудь ясного и определенного и договоримся.

В моей речи я утверждал, между прочим, что г. Соловьёв рекомендует нам унию; под выражением «уния» я разумел то, что и принято обыкновенно под ним разуметь, т.е. «унию» в форме, значении и размерах той, которая была введена в Западной России на основании постановлений брестского собора 1596 года³⁷. Я находил, что и прежние заявления г. Соловьёва, и то, что он говорит в «Вестнике Европы», давали мне на это полное право. Оказывается, однако, что я ошибаюсь, что ничего подобного г. Соловьёв не утверждал!

В письме своем в «Новое Время» (№ 7618) он прямо заявляет, что никакой внешней, официальной, унии с Римом (в смысле г. Киреева) он «никогда» не предлагал, что он считает даже такую унию «невозможною и нежелательною». Прекрасно! Радуюсь, но и удлиняюсь такому заявлению. Г. Соловьёв отказывается от

³⁴ 1 Ин. 2:20. В издании 1911 года ошибочно – «от святых». В остальных трех изданиях напечатано верно.

³⁵ Новое время. 1897. 17 (29) мая, № 7621. С. 3. Дважды переиздавалось: Русское обозрение. 1897. № 9. С. 400–402; Киреев А.А. Сочинения в 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 239–240. Публикуется по первому изданию с учетом разночтений в остальных. Названия газет и журналов приводятся в кавычках в соответствии с первым изданием (в переизданиях они напечатаны курсивом без кавычек).

³⁶ В переиздании 1912 года добавлено указание на год: «14-го мая 1897 г.».

³⁷ Здесь и далее у Киреева и у Соловьёве везде слово «брестский» напечатано со строчной буквы.

унии «в смысле г. Киреева»; но ведь я никакой своей новой унии не предлагаю и не предлагал, а разумею и разумел ту самую брестскую (ежели угодно – лионскую и ферраро-флорентийскую) унию, которую нам навязывал Рим и от которой мы еле-еле избавились! Ту самую, о которой так усердно хлопотали все средневековые папы, которая и нам, русским, стоила так много крови, и о которой так отчаянно-усердно хлопочет и Лев XIII! Итак, этой унии г. Соловьев не желает; он считает ее даже невозможной (как же это, однако, – *ab esse, ad posse valet consequentia*?³⁸). Но шутки в сторону, я бы очень желал сговориться, – действительно сговориться с В.С. Соловьевым; к сожалению, я не могу понять, *чего собственно, какой же унии он желает, какие отношения к папе он нам рекомендует?* Ведь он не меньше меня трудился над разработкой вопроса о воссоединении церквей, и *всегда, как мне казалось, стоял на стороне римских притязаний!* Чего же желает г. Соловьев? Не отказывается же он от обоим нам столь дорогой идеи, – от идеи унии? *Какая же его уния, если он не хочет «моей»?*³⁹

Останавливаться на общих местах, против которых никто не возражает, ведь не стоит! Но стоит говорить о том, что «прискорбные недоразумения и предвзятые мысли» лучше всего устраняются «всесторонним обсуждением», что для сего необходима «свобода исследования», что при «духовном сне слабеет духовная жизнь», а что при отсутствии духовной жизни нечего хлопотать о соединении церквей и т.п. Все эти несомненные «труизмы», о которых упоминает в конце своего письма г. Соловьев, никем и не оспариваются, и мною – менее, нежели кем бы то ни было (мы, славянофилы, всегда высказывались за свободное обсуждение таких вопросов, свободное и для нас, и для наших противников); но в данном случае нужно нечто более точное, более конкретное, и мне всегда казалось, что мой почтенный оппонент (а мы спорим с ним давно⁴⁰) всегда имел в виду нечто очень определенное и конкретное, именно, унию в смысле (безусловного) подчинения (безусловно) непогрешимому папе. Оказывается, что все эти предположения неверны, что я ошибался и ошибаюсь! Но, если так, не лучше ли вместо того, чтобы говорить общими местами или сивиллиными изречениями, прямо высказать свою мысль? *Отчего бы г. Соловьеву не сказать просто: «Вы, г. Киреев, ошибались и ошибаетесь: брестской унии, той, которой желает папа, я не желаю, а желаю я вот какую», и объяснить, какую именно!*

Пока я не получу такого точного и формального ответа, я, да простит мне почтеннейший г. Соловьев, буду считать себя вправе думать, что он недалеко ушел от унии, понимаемой так, как понимают ее все, т.е. в смысле безусловного подчинения папе, *вооруженному даром непогрешимости, даром и властью, ничем и никем неограниченными*, т.е. именно такою, которая признана за ним догматическою конституцией 18-го июля 1870 года. Считаю себя вправе так думать не только на основании того, что и прежде писал г. Соловьев (напр., в «La Russie et l'Église universelle»), но и того, что написано и в разобранной мною статье «Вестника Европы».

³⁸ Разве имеет силу заключение от сущего к возможному? (лат.)

³⁹ Курсив в данном абзаце и в следующих абзацах этой статьи присутствует только в переиздании данной статьи в «Русском обозрении». Он отсутствует в первом издании в «Новом времени» и в переиздании 1912 года.

⁴⁰ Со времен аксаковской «Руси», в которой мы оба сотрудничали. – Прим. А.А. Киреева.

Ограничиваюсь пока вышесказанным, т.е. желанием видеть категорическое объяснение того, что собственно, какой собственно унии желает г. Соловьёв, какие отношения нашей церкви к папе считает он нормальными, «возможными» и «желательными». *Смею думать, что никакие цензурные правила не помешают нам обменяться мыслями об этих важных вопросах, в противном случае (но я его не предвижу), от нас ведь будет зависеть перенести наш спор за границу.*

Александр Киреев.
Павловск, 15-го мая

№ 4. Соловьёв В.С. Письмо в редакцию «Нового времени»⁴¹

М.г. В письме, вызвавшем ответ почтенного ген. А.А. Киреева, я хотел указать два неперемные, на мой взгляд, условия для правильной постановки церковного вопроса. Первое, принципиальное и общее, требует, чтобы вопрос о междучерковных отношениях не отделялся от сущности христианства, чтобы он ставился прежде всего на почве чисто-религиозной; – а второе практическое и для России особенно важное условие состоит в возможности открытого и всестороннего обсуждения религиозных и церковных дел. О первом требовании ген. А.А. Киреев не упоминает в своем ответе (если не относить сюда замечание о «свилинных изречениях»), а во втором видит «несомненный трузизм», или нечто для всех бесспорное. Неужели для всех? Я был бы очень доволен, если бы необходимость полной религиозно-богословской свободы была бесспорною, хотя бы не для всех, хотя бы не для многих, а только для кого-нибудь из людей, от которых может зависеть действительное решение вопроса. Мнимый трузизм ярко подчеркивается самим ген. Киреевым, который упоминает, между прочим, об одном из *запрещенных* сочинений по церковному вопросу. Вот вам и трузизм.

Почтенный публицист, по-видимому, полагает, что если необходимость какого-нибудь требования теоретически признана им, мною или еще другими частными лицами, то этого достаточно, чтобы требование считалось исполненным и о нем уже не стоит говорить. Такой странный взгляд на мнимые трузизмы находится в противоречии с одним действительным трузизмом: чем элементарнее действительное практическое требование, чем яснее для нас его необходимость, тем пагубнее должны мы считать его неисполнение, и тем сильнее настаивать на его действительном осуществлении. Что может быть элементарнее такой, например, истины, что плоды земные не могут успешно произрастать под колоколом воздушного насоса? Но если бы какая-нибудь действительная оранжерея была помещена под такой колокол, то, что оставалось бы делать человеку, желающему получать из нее плоды, как не твердить с настойчивостью явный трузизм о невозможности растительных процессов в безвоздушном пространстве и о необходимости избавить оранжерею от этой искусственной пустоты?

Ген. Киреев требует от меня «точного и формального» отречения от... брестской унии. Хотя не подобало бы почтенному приверженцу старого славянофильства подражать новейшей публицистической моде, по которой мирные обыватели привлекаются

⁴¹ Новое время. 1897. 18 (30) мая, № 7622. С. 3. Переиздавалось один раз (без разночтений): Русское обозрение. 1897. № 9. С. 402–404.

сверх законной надобности частными лицами к той или другой присяге⁴², — но я не только охотно извиняю моему почтенному сотоварищу по аксаковскому журналу это невольное увлечение, но готов даже исполнить его желание под условием маленькой поправки всего требования. Он требует от меня сказать просто: «Вы, г. Киреев, ошибались и ошибаетесь: брестской унии, той, которой желает папа, я не желаю, а желаю я вот какую», и объяснить, какую именно. *Я не нахожу возможным связывать свои желания с желаниями такого лица, как римский папа. Не привыкли обращаться запанибрата с особами столь высокими, я предпочитаю не помянуть всуе св. отца*, желания которого мне в точности не известны, и буду говорить за одного себя. Итак, я скажу совершенно просто: Вы, глубокоуважаемый Александр Алексеевич, ошибались и ошибаетесь: брестской унии (т.е. ее повторения) я не желал и не желаю, потому что эта уния была основана со стороны принявших ее иерархических деятелей на политических комбинациях и расчетах, а не на религиозном стремлении к единству веры в духе любви. А желаю я такого соединения церквей, которое руководилось бы *одним-единственным* расчетом — расчетом на одобрение Самого Основателя христианской религии и церкви. — Первая отрицательная часть моего ответа должна удовлетворить почтенного А.А. Киреева, так как она содержит больше того, что он требует: я не только объявляю, что не желаю брестской унии, но еще объясняю *почему*. Что касается до второй, положительной части, которая может опять показаться ему «сивиллиным изречением», то обстоятельное ее развитие и пояснение я *обещаю* ему (самым серьезным и решительным образом), *как только появится в России новое издание моих заграничных сочинений*. А если оно не может появиться, если даже такая маленькая микроскопическая перемена в этих делах невозможна, то что же еще толковать о переменах важных и великих? Скажу прямо: *при известных существующих условиях* серьезное обсуждение вопроса о соединении церквей я считаю немыслимым, а заниматься праздными разговорами о столь важном предмете не согласен. Боюсь, и так не наговорил ли я лишнего и не навлек ли на себя евангельской угрозы: за всякое слово праздное, что скажет человек, даст ответ в день суда.

Владимир Соловьев.

№ 5. Киреев А.А. Письмо в редакцию «Нового времени»⁴³

М<илостивый> г<осударь>. Поблагодарив вас за оказанное мне гостеприимство, я закончу настоящим письмом мою случайную полемику с почтеннейшим Вл.С. Соловьевым.

К тому, что мною было уже сказано, я могу прибавить немного существенного, но не могу оставить без возражения одного намека в письме моего оппонента. Он меня упрекает в том, что я начинаю подражать «новейшей публицистической моде, притягивающей к той или другой присяге мирных обывателей»; впрочем, «он извиняет мне мое

⁴² Имеется в виду нашумевшее в 1897 году требование В.А. Грингмута к либеральной прессе повторно принести присягу на верность самодержавию.

⁴³ Новое время. 1897. 21 мая (2 июня), № 7625. С. 3. Переиздавалось дважды: Русское обозрение. 1897. № 9. С. 404–405; Киреев А.А. Письмо в редакцию «Русского слова» // Сочинения в 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 248–249. Во втором случае опубликовано с неправильной датой (28 июля), ошибочно взятой из более поздней статьи Киреева в «Русском обозрении», и с ошибочным названием газеты («Русское слово» вместо «Нового времени»). Публикуется по первому изданию с учетом разночтений в остальных.

увлечение!»! Мне кажется, что я вправе отклонить как незаслуженный упрек, так и совершенно излишнее извинение. В своей полемике я ничем не «увлекался», не ставил моему оппоненту западни и не вынуждал его делать какие бы то ни было неудобные признания, «je ne lui faisais pas de procès de tendance»⁴⁴, как говорят французы. Я не выходил за пределы самой законной полемики и касался лишь того, о чем говорил сам г. Соловьев. Мы обсуждали научный вопрос; одно из положений моего оппонента показалось мне неясным, и я просил разъяснения; разъяснение это он мне дал, при чем ему пришлось высказаться о *брестской унии*⁴⁵, пришлось сказать, что он ее не желает и не рекомендует. Такое и подобные ему отречения не могут, я думаю, создать для моего оппонента никаких «затруднений» ни цензурных, ни иных!

Очень рад, что эта (папская) уния не нравится г. Соловьеву, c'est déjà quelque chose!⁴⁶ Далее он говорит, что не считает возможным «связывать свои желания с желаниями такого лица (!), как папа», и как бы упрекает меня в том, что я вот с «таким лицом» говорю за «панибрата». Но о папе я упомянул лишь инцидентно, лишь потому, что он навязывает нам именно ту брестскую унию, которую отвергает г. Соловьев, а за «панибрата» я с ним не обращаюсь, так как мне он, еще (слава Богу) не пан, и уже (к сожалению) не брат; для меня он лишь представитель римского католичества, с которым мы боремся три столетия сряду и, вероятно, будем еще долго бороться.

Я очень благодарен Вл.Сер. Соловьеву за полное разъяснение причин, по которым он отвергает унию 1596 года; признаюсь, однако, повторяю, что вторая часть его письма, относящаяся до той унии, которую г. Соловьев не отвергает (до *его* унии), все-таки остается для меня «сивиллиным изречением». Г. Соловьев обещает мне «обстоятельное» разъяснение дела, под условием, чтобы новое издание его заграничных сочинений «могло появиться в России» (?). Очень странное и неясное условие! Я, по крайней мере, не вижу никакой связи между разрешением, о котором он говорит, и указанием (более или менее обстоятельным) оснований его унии; издал же г. Соловьев за границей свою «La Russie et l'Église universelle», почему же не может он издать за границей же чего угодно, между прочим и программы его унии (не похожей будто бы на брестскую). Представим себе, что его заграничные сочинения не будут разрешены в России, зачем же лишать нас из-за этого его сочинения, буде таковое имеется или появится со временем, об «условиях унии»? Мы все, которые можем с пользою прочесть это сочинение, конечно, его прочтем, *да и разберем!* Если не ошибаюсь, мой почтенный оппонент, смешивает возможность познакомить нас с его взглядами на унию – с правом пропаганды этих взглядов. Это очень различные вещи!

Александр Киреев.
Павловск, 20-го мая 1897 г.⁴⁷

⁴⁴ Я не делал его модным процессом (*франц.*)

⁴⁵ Здесь и далее в первом издании в «Новом времени» не использовался курсив. Курсив добавлен везде по следующим двум изданиям.

⁴⁶ Это уже что-то! (*франц.*). В собрании сочинений 1912 года всё данное предложение заменено другим: «Но сказанное г-ном Соловьевым положительно недостаточно для разъяснения дела: я очень рад, что эта брестская (папская) уния не нравится г. Соловьеву!»

⁴⁷ На этом заканчивается текст данной статьи в «Новом времени» и в «Русском обозрении». В собрании сочинений 1912 года присутствуют также два следующих абзаца и новая дата 28 июля.

№ 6. Н.А. Энгельгардт. Из дневника⁴⁸

Когда я читал гг. Александра Киреева и Владимира Соловьёва, которыми эти публицисты обменялись по вопросу о «соединении всех», и в уме моем звучали три стиха из «Коринфской невесты» Гёте в переводе (довольно неуклюжем) графа Алексея Толстого:

Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь, и дружба сметены...

Г. Владимир Соловьёв желает «свободы богословского исследования». «Мы – славянофилы, – отвечает г. Ал. Киреев, – всегда высказывались за свободное обсуждение» религиозных вопросов...

«Если скажу слово, не тяжело ли будет тебе? Впрочем, что может возбранить слову?» – говорит в «Книге Иова» один из мудрых царей – друзей страдальца. Что может возбранить? Убеждение в полной бесполезности слова. Следует как можно меньше говорить о вере. Рассуждения эти ни к чему доброму не приводят. Убеждаюсь в этом постоянно.

Святыня народная в словах спора невыразима. Спор – плод запальчивой раздражительности и самолюбия ума. Отвлеченные, рассудочные рассуждения – продукт рассудочного разложения жизни.

Святыня народная есть самая жизнь его. Никому никогда еще не удавалось уловить жизнь в рассудочные схемы. Об этом свидетельствует вся история философии. Ум спорщика вносит раздор и разложение в целокупную стихию гармонического духа. Спор возмущает дух. Дух возмущенный перестает отражать чистейшую красоту лика народной святыни, как взволнованное озеро – купол небесный.

Святыня – это мир. Вмещится ли она в слова раздора?

Только вдохновенное созерцание художника в силах создать пластические символы в звуковых и красочных сочетаниях, в комбинациях слов, которые способны приблизить вас к недостижимому, вызвать такие душевные настроения, когда далекое становится близким и чаемое – совершившимся.

Не спорьте о вере. Убедитесь, что слова ваши бессильны и бесцветны. Религиозная деликатность должна бы подсказать вам, что молчание – единственный символ, который может воплотить ваши святыне чувства. Как красноречиво молчание! Молчание гигантских гор, подпирающих небо; молчание дебри лесной, где и в полдень тьма и стволы воздымаются как бесчисленные колонны; молчание пустыни в ночной час, при трепетном сиянии звезд; молчание благоговейно настроенной души... яснее, ощутимее присутствие Бога в этом молчании.

Если бы вам был дарован глагол пророков и золотые уста великих певцов христианской церкви, мы бы внимали вам.

Но рассуждения на школьном языке, на «интеллигентном» жаргоне... Пусть меня прославят ретроградом, я громко скажу, что слушать о вере желаю на славянском языке.

Всё глубже убеждаюсь в бессилии и бесполезности «свободного обсуждения», «богословского исследования», всякого сухо-логического умствования о во-

⁴⁸ Новое время. 1897. 22 мая (3 июня), № 7626. С. 3.

просах веры. Не переносит душа многоглазовых адвокатов исповеданий. Всё глубже убеждаюсь, что всего важнее – благолепие церковное, чистота и совершенство чина служения, исторически скопленное богатство храмовой красоты – песни церковные, образа и зодчество, напевы, в чем воплотилась и символизировалась святыня народная.

В совершенной красоте выработанного обряда, в церковном «благолепии» – конкретное воплощение народной святыни. Это благолепие, несомненно, лучшая проповедь. Оно дает нечто божественное – красоту и национальную красоту. Рассуждения же ничего не дают. Они только раздражают церковный голод, но удовлетворить его не в силах. На почве «благолепия» мы никогда не сойдемся с римской церковью. Римское благолепие для нас не благолепно. Мы не можем молиться в римских храмах. Не можем и не хотим. Мы не хотим утратить свое благолепие, свою красоту. С ней мы утратим и святыню народную, и русскими перестанем быть. Никогда еще вне национальности не бывало религии. В интернациональном безвоздушном пространстве гибнут цветы веры и не приносят плода.

В отвлеченных рассуждениях не трудно всё примирить, объединить, совокupить, потому что эти рассуждения – слова интернационального школьного жаргона. Но как совершить объединение на почве конкретной красоты? Красота римского храма – красота чужой истории. Чаадаев, правда, утверждал, что Петр «передал нам Запад весь, каким его сделали века, и отдал нам всю его историю за историю, всё его будущее за будущее».

Но ведь ни г. Ал. Киреев, ни г. Вл. Соловьёв не разделяют, конечно, взглядов Чаадаева.

В письмах почтенных публицистов меня поразила вот еще какая сторона: г. Киреев говорит: «Я не могу понять, чего, собственно, какой же унии он (т.е. г. Вл. Соловьёв) желает, какие отношения к папе рекомендует?», «не отказывается же он от обоим нам столь дорогой идеи – от идеи унии? Какая же его уния, если он не хочет «моей»?

На это г. Вл. Соловьёв отвечает: «Брестской унии я не желал и не желаю... А желаю я такого соединения церквей, которое...» и т. д.

«Моя» уния, «твоя» уния, «столь дорогая нам обоим идея унии», «желаю унии», «не желаю унии»... но, господа, какое же кому дело до того, желаете ли вы или не желаете, и какой желаете или не желаете унии? Что до ваших желаний и нежеланий великим церквам? Что до вашей унии миллионам? Желают ли этой унии миллионы? Они не знают даже о вашем существовании. Почтенная личность и публицистическая деятельность ваша известны лишь ничтожной горсти, глаголемой «интеллигенция», более чем равнодушной ко всякой «унии». Почему так настаивает г. Киреев на том, чтобы г. Соловьёв заявил в «Новом времени», желает он или не желает унии? Мне кажется, что заявления эти столь же важны, как если бы я заявил о своем желании или нежелании, чтобы ныне освободившийся от лесов петербургский Исаакиевский собор сошел с своего фундамента и на всех своих колоннах отправился в гости к римскому собору Петра и Павла...

Н. Энгельгардт.

№ 7. Дневник печати. Свобода богословского исследования⁴⁹

В своей полемике с генералом А. Киреевым, г. Вл.С. Соловьёв высказался за свободу богословского исследования. Г. Николай Энгельгардт (*Новое время* № 7626) совершенно основательно возражает, что спор о вере ни к чему доброму не приводит.⁵⁰

<...>

«Если бы вам», говорит г. Энгельгардт, «был дарован глагол пророков и золотые уста великих певцов христианской церкви, мы бы внимали вам»⁵¹.

Г. Энгельгардт отмечает также преувеличенность тона в полемике генерала Киреева и г. Вл. Соловьёва.⁵²

<...>

Это, конечно, справедливо, но нельзя не порадоваться за того человека, чье мировоззрение совпадает со святым верованием всего народа.

№ 8. Дневник печати. Конец полемики⁵³

На столбцах *Нового Времени* закончилась в высшей степени интересная полемика между генералом А.А. Киреевым и Вл.С. Соловьёвым. Поводом к полемике послужила статья А.А. Киреева, заметившего, что Вл.С. Соловьёв – один из наиболее видных сторонников идеи подчинения православной церкви папизму. Вл.С. Соловьёв письмом в редакцию опровергал это утверждение, но многочисленные неточности и неясности в этом ответе г. Соловьёва дали повод генералу Кирееву указать своему оппоненту на необходимость высказаться более определенно: признает ли он или не признает Брестскую унию, а если не признает, то какой унии он желал бы между Православно-христианскою Церковью и папизмом. Г. Соловьёв отозвался на это предложение, и его ответ дал возможность г. Кирееву подвести итоги полемики. В его письме в *Новое Время* (№7625) читаем, между прочим:⁵⁴

<...>

№ 9. Щегинин Б.А. Журнальные новости: Критические заметки А.А. Киреева⁵⁵

А.А. Киреев, известный представитель славянофильства и исследователь по вопросам церкви, напечатал в той же книге журнала и исследователь по вопросам Церкви, напечатал в той же книге журнала⁵⁶ довольно обширную статью под названием «Критические заметки».

⁴⁹ Московские ведомости. 1897. 25 мая (6 июля), № 142. С. 3. Автор неизвестен.

⁵⁰ Далее цитируются фрагменты статьи Энгельгардта (см. документ V) со слов «Святыня народная в словах спора невыразима» до «слова раздора», со слов «Не спорьте о вере» до «ваши святые чувства».

⁵¹ Далее цитируется фрагмент статьи Энгельгардта со слов «Но рассуждения на школьном языке» до «и русскими перестанем быть».

⁵² Далее цитируется фрагмент статьи Энгельгардта со слов «В письмах почтенных публицистов» до «равнодушной ко всякой “унии”».

⁵³ Московские ведомости. 1897. 27 мая (8 июля), № 144. С. 2. Автор неизвестен.

⁵⁴ Далее приведена цитата из статьи Киреева (см. документ IV) от слов «Очень рад» до слов «Это очень различные вещи!», то есть до самого конца статьи.

⁵⁵ Московские ведомости. 1897. 27 июня (9 июля), № 174. С. 4.

⁵⁶ Т.е. в июньском номере «Русского обозрения» 1897 года.

Предметом ее служит разбор статей *Московского сборника* К.П. Победоносцева о значении печати, об отношениях Церкви к государству, и статей из *Вестника Европы* о влиянии византизма на Россию, принадлежащих г. Вл. Соловьеву.

Наибольший интерес представляет то место из статьи, где автор полемизирует с г. Соловьевым. Соглашаясь с ним, что верховная власть не может правильно действовать без водительства религиозного авторитета, что «предоставленная самой себе, она из власти христианской превращается во власть языческую», соглашаясь с ним со стороны принципиальной во многих других вопросах государства и Церкви, наш автор признается, тем не менее, что согласие это тотчас же нарушается, как скоро заходит речь о способе лечения наших недугов.

Дело в том, говорит А.А. Киреев, — что под словом *Церковь* мы понимаем совершенно различные вещи. Я — Церковь вселенскую, г. Соловьев — церковь папскую, которую ему никогда и ни при каких условиях не удастся отождествить с Церковью Христа. А именно в церкви папской, в латинстве и видит г. Соловьев наш якорь спасения. Панацея для наших зол — у ног папы⁵⁷.

Но легко ли, спрашивает автор, привести нас к подножию его престола? По видимому, сторонники унии питают некоторые надежды на успех, их воодушевляет, может быть, воспоминание прежних успехов.

Но ведь времена изменились! Условия для унии стали гораздо тяжелее: то, что прежде, хотя ошибочно, могло называться *унией*, теперь должно называться *подданством, пленом*! Современный папа — не чета тогдашнему! Тогдашний заявлял, правда, разные претензии на главенство, но что же было тогдашнее главенство в сравнении с современною непогрешимостью! На папу была возможность апеллировать. В 1683 году французский епископ провозглашает, что без согласия и содействия Вселенского Собора папа *не* непогрешим... С такими папами еще можно было кое-как ладить, можно было против них защищать свою нравственную свободу; но теперь... Как можно защищать свою самостоятельность, свою независимость, свое нравственное достоинство против человека, *имеющего* (в сфере религии и нравственности) *право провозглашать все что угодно — догматом, т.е. учением обязательным для каждого христианина*!⁵⁸

Но г. Вл. Соловьев и его единомышленники стараются уверить нас, что папская непогрешимость, в сущности, не так страшна, что прежде чем возвестить миру какое-нибудь «непогрешимое» вероопределение, папа должен будто бы предварительно спросить мнение епископата.

Это совершенно неверно, возражает г. Киреев: ни у кого и ничего папа не должен спрашивать, ничем и никем он не ограничен, и никакого на него обязательства *constitutio dogmatica* не налагает.

В заключение автор совершенно основательно говорит, что не в папстве нужно нам искать исцеления от наших зол и несовершенств, а в учении вселенской Церкви и в нашем собственном христианском самосознании.

Б.Щ.

⁵⁷ Данный абзац отличается от «Критических заметок» Киреева дополнительным использованием курсива, а также заменой восклицательных знаков точками.

⁵⁸ Данный абзац представляет собой несколько сокращенную и испорченную цитату из «Критических заметок» Киреева.

№ 10. А.А. Киреев. Критические заметки <фрагмент>⁵⁹

Man muss die Wahrheit fort und fort wiederholen,
da auch der Irrthum uns fort und fort gepredigt wird.
Goethe⁶⁰

«Критические заметки»⁶¹, предлагаемые мною вниманию читателей Русского обозрения, были написаны еще в прошлом году, но, по некоторым причинам, не могли появиться в печати до сего времени: я, однако, позволю себе надеяться, что они не утратили своего значения, так как и критикуемые мною статьи *Московского Сборника* (изданного г. Победоносцевым), и *Вестника Европы* (Вл.С. Соловьева) относятся не только к та называемым “злобам дня”, а посвящены исследованию вопросов принципиальных: о значении печати (*Моск. сборн.*), об отношениях Церкви к государству (*Моск. сборн.*) и о влиянии византизма на Россию (*Вестн. Евр.*). <...>

Перехожу к статьям г. Соловьева в *Вестнике Европы*⁶². И у него находим мы много справедливого, с чем мы охотно соглашаемся; он, несомненно, прав в том, что он говорит об отношениях между Церковью и государством. И для нас, славянофилов (и это мы повторяли на все лады), высшее, жизненное начало, долженствующее руководить человечеством, нормировать его жизнь, – коренится не в государстве, не в мире его материалистическими и утилитарными целями, – а – в Церкви, у подножия Креста! «Верховная власть», совершенно основательно говорит г. Соловьев, «не может правильно действовать без водительства религиозного авторитета (стр. 794–95). Предоставленная себе самой, она из власти христианской превращается во власть языческую». Совершенно верно! Верны отчасти и те упреки нашему церковному строю, которые и прежде делал, а теперь подчеркивает г. Соловьев; согласие наше нарушается, однако, как только заходит речь о способе лечения наших недугов. Дело в том, что под словом Церковь мы понимаем две совершенно различные вещи. Я – Церковь вселенскую, г. Соловьев – церковь папскую, которую ему никогда и ни при каких условиях не удастся отождествить с Церковью Христа! А именно в церкви папской, в латинстве и видит г. Соловьев наш якорь спасения! Это он высказывал не раз, высказывает, хотя осторожно, и в разбираемых статьях, но, тем не менее, мысль автора, в конце концов, высказывается вполне. Панацея для наших зол – у ног папы; о том, что в продолжение восьми столетий мы находили источник истины во вселенских соборах, г. Соловьев не упоминает, как не упоминает об этом и «*Московский сборник*», и в этом может

⁵⁹ Публикуется по первому изданию (Русское обозрение. 1896. №6. С. 808, 832–842) с указанием различий второго издания (Киреев А.А. Собрание сочинений в 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 254, 263–268).

⁶⁰ Нужно повторять истину снова и снова, доколе нам снова и снова будут проповедовать заблуждение. Гёте (нем.).

⁶¹ «Критические заметки» послужили основанием моего собеседования в Славянском Обществе в день св. Кирилла и Мефодия 11 мая 1897 года. Читатели найдут в них некоторое повторение уже ранее мною сказанного, но, как говорится, и в избранном мною эпиграфе, истину приходится повторять постоянно (fort und fort wiederholen), ввиду постоянно повторяющихся на нее нападок, постоянного повторения лжи. – Авт. – Прим. А.А. Киреева. (Данное примечание Киреева, как и весь первый абзац статьи 1897 года, было снято при публикации собрания сочинений в 1910 г. – М.М.)

⁶² 1896 г. Январь. Стр. 343–359. «Византизм и Россия». I–VIII; Апрель. Стр. 787–808. IX–XIV. – Прим. А.А. Киреева.

быть установлена между ними некоторая параллель. В обоих случаях предлагаются неподходящие средства лечения и оставляется в стороне единственное верное, именно обращение к учению и практике вселенской Церкви.

Если в данных статьях автор высказывает это не вполне ясно и определенно, а скорее намеками, то не трудно дополнить эти неясности указанием на те сочинения и статьи его, который были напечатаны прежде, и от которых почтенный автор не отказался (и едва ли откажется).

Какая мысль проводится в статье «Вестника Европы»?

Это легко понять из следующих немногих цитат. «Под тлетворным влиянием Византии, – говорит г. Соловьёв, – царь допетровского периода забыл, что власть его есть делегация свыше (стр. 350), что он носитель христианской идеи, что он наследник Владимира Святого и Владимира Мономаха. Забыв это, он сделался наследником Навуходоносора (352). Забыла свое призвание и Россия: она двоеверила, служила, правда, наследникам христиан-Владимиров, но и наследникам Навуходоносора, хана, царям вавилонского типа; кончилось тем, что она сделалась *недостойна своего существования*» (352). Сильно сказано! Видно, нам приходится пожалеть о том, что в 1612 году, мы сдуру, памятуя свою веру, полученную от Византии, а не от Рима, восстали на поляков, чуть было нас не поработивших! Ведь не будь этого восстания, мы бы конечно, с помощью отцов-иезуитов, распорядившись «благочестивым» Сигизмундом III, возвратились на «путь истины», сделали бы снова «достойными своего существования», наши цари перестали бы следовать примеру Навуходоносора.

Итак, благодаря влиянию Византии, Россия сделалась недостойна своего существования. Но ведь когда-то эта же самая Византия была очагом просвещения и одним из великих центров православия, ведь в ней поучали народ такие люди, как Иоанн Златоуст, в ней, легко сказать, собирались и поучали вселенную три вселенских собора! С каких же именно пор стала эта Византия такою растлевающим и ядовитою? Понятно! с тех пор как она, со всем восточным христианским миром, «отделилась» от Рима, впала в вековую схизму! Вот, с этого времени Восток и перестал быть носителем христианской идеи, с тех пор им и завладел Навуходоносор.

Что же, однако, был это за мир, от которого мы, бедные, отпали? Кто руководил им в это время, кто стоял во главе его, кто был его *непогрешимым пастырем*, дававшим такую святость своему стаду, столь ясно указывавший миру – волю Божию? Ограничусь краткою историческою справкой: разделение церквей, будто бы столь пагубно на нас повлиявшее, совершилось, как известно, не сразу; началось оно при Фотии и Николае I взаимными отлучениями и кончилось в 1054 году, когда латинские делегаты возложили на алтарь св. Софии отлучительные грамоты папы! Вот с этих пор мы и стали рабами Навуходоносора. Что же это было за учреждение, то папство, расставшись с коим мы потеряли связь с одухотворяющим центром нравственного мира, кто были те папы, с отпадением от которых мы потеряли непогрешимых учителей, заместителей Христовых – «вице-Богов?»⁶³. В этот промежуток времени в Риме было много вице-Богов; между прочим, царствовали Сергей III, любовник известной Марозии, Иоанн X, любовник ее сестры Теодоры. Папы Анастасий и Ландон (913–914 гг.),

⁶³ Термин этот – *Vice-Deo* – в употреблении в итальянской (конечно, ультрамонтанской) прессе. – Прим. А.А. Киреева.

избранные по указанию той же Марозии. В этот же период были увенчаны тиарой Иоанн XII и Бенедикт IX, замечательные в другом отношении: первый избран папой и стал вследствие этого непогрешимым в 18 лет! Согласитесь, что рано? Но над Бенедиктом совершилось тоже чудо (разумею превращение его в непогрешимое существо), когда он был еще ребенком: он был избран папой и вступил на престол «первоверховного апостола» 12-ти лет (по некоторым указаниям, даже 10-ти лет). Поистине чудо, и даже двойное! И вот эти презренные ставленники презренных куртизанок, эти дети, ежели бы мы от них не «отделились», могли бы нас спасти от превращения в нехристиан, в рабов Навуходоносора! Что это? слепота или нежелание видеть? Но хорошо! мы, под давлением Византии, сделались недостойными носить христианские идеалы, забыли свое призвание и т. п., ну а те народы, которые остались в наиболее близком единении с вице-Богом? итальянцы, испанцы и другие... те исполняют свое призвание? Французы? – тоже исполняют? На этот весьма, однако, естественный и существенный вопрос в разбираемых статьях *«Вестника Европы»* ответа мы не находим! В статьях этих кое-что не досказано: автор превозносит обоих наших Владимиров (и равноапостольного и Мономаха), но ведь первый прямо отверг «латинство» и предпочел ему «византийство», Мономаху не представлялся даже и случай к колебанию? Стало быть, на них влияние Византии не отразилось? или может быть, вера наша изменилась с перенесением центра тяжести нашей политической жизни в Москву? В Киеве или Владимире она, стало быть, была еще – «ничего», но испортилась с перенесением митрополии в удел Калиты? или, может быть, заразилась она с 1472 года? (брак Иоанна III с Софьей Палеолог); с тех пор, должно быть, стали мы так плохи!

Конечно, как и быть должно, московской России достается от г. Соловьева жестоко! «Россия, говорит он, – славяно-финская народность была оплодотворена германцами» (не Бироном ли?). Я далеко не враг германцев и германской культуры, и, по примеру наших предшественников, признаю ее мировое значение, но я никак не могу согласиться с жестоким изречением г. Соловьева! Значите, до этого оплодотворения германцами (начала XVIII стол.⁶⁴) бедная наша Россия была пустоцветом? Вся наша история повержена в прах и ничего не доказывает. Ничем мы себя не заявили: ни тем, что заслонили собою Европу от монголов, которых под конец и сломили; ни тем, что, из маленького московского княжества сделались могущественным царством, ни тем, что помогли Малороссии избавиться от иезуито-польско-еврейского угнетения, ни преданностью нашей вере (правда – не папской, но все же христианской?), – ни героической борьбой во время междоусобия? Все это не в счет? Но это последнее, может быть, и есть главнейшая наша ошибка или наше преступление?⁶⁵ До Петра Великого, поучает г. Соловьев, мы не были христианским царством!⁶⁶ До Петра мы уживались с рабством; ну, а папа, отпадение от которого сделало нас рабами Навуходоносора, сам разве не уживался с рабством? Ведь автору разбираемой статьи должна быть известна булла папы Павла III (Еjus qui, 30-го августа 1535 г.), которою святейший отец обращал в рабство сторонников Генриха VIII английского... Благодетельное влияние папы

⁶⁴ В собрании сочинений 1912 года фраза «начала XVIII стол.» заменена на «эпоха Петра (?)».

⁶⁵ Ведь лютейшие наши враги были не столько поляки, сколько иезуиты. Не замешайся тогда в дело папская гвардия – мы с поляками размежевались бы давно и полюбовно. Но будь окатоличенной западно-русской аристократии, и «польского» вопроса бы не было. – *Прим. А.А. Киреева.*

⁶⁶ «Дело Петра, – говорит г. Соловьев, – состояло в том, чтобы дать России реальную возможность стать (sic) христианским царством». – *Прим. А.А. Киреева.*

Григория XIII отразилось и на Варфоломеевской ночи – современнице Иоанна Грозного (1572).

К чему же окончательно клонится дело в статьях *Вестника Европы*?

Это сейчас выяснится из сопоставления нескольких фраз, достаточно прозрачных; так: «Явилась христианская реакция в лице патриархии, но зависимость патриарха от царя выяснилась скоро»... «Патриарх мог быть и не исполнен духом Христа» (а папа непременно будет? и любовники Морозии, и ребенок Бенедикт, и Александр Борджиа?..). «Но Никоновский клерикализм, стремящийся превратить патриарха в quasi-папу, был вреден, делал *сближение* с Римом, с *настоящим* римским папством невозможным». Вот, стало быть, где беда! значит, что же? Ведь мы знаем, что латинские писатели понимают под словом *сближение*, ведь мы со времени унии кое-чему научились! Далее: в жизни церкви необходим авторитет; церковь должна быть самостоятельна, а она тогда только самостоятельна, когда она имеет высшую свою точку опоры *вне своего государства и своего народа*... И вот, на заднем фоне картины опять показывается тот же, папа, та же панацея! Автор разбирает и критикует наш синодальный строй (победа не трудная!). Патриарший строй, – говорит он, – оказался негодным. Петр Великий был прав, отменив его и заведя свой «духовный коллегium». Автор замечает даже, что хотя все другие петровские коллеги отменены, духовная его коллегия действует и поныне, как нечто соответствующее условиям нашей жизни; но, многозначительно замечает г. Соловьев, «следует ли признать эти условия нормальными, это – другой вопрос!» Стало быть, это – другой вопрос, стало быть – ни патриарх не годится, ни синод [не] нормален (об изречениях вселенской Церкви, о том, что были и должны быть вселенские соборы, могущие служить ею внешнею точкой опоры для русской и всякой иной православной церкви, автор и не говорит⁶⁷). Не ясно ли, что у нас опять остается все тот же единственный, но за то социально-надежный якорь спасения – папа!

Легко ли нас, однако, привести к подножию его престола? По-видимому, сторонники унии питают надежды на успех; их воодушевляет, может быть, воспоминание прежних успехов!.. Загнали же мы, думают они, западную Россию в унию, отчего же не попробовать снова счастья и не заполнить всю Россию? «Через вас, рутенов» (галицких униатов), говорит папа в одной из своих речей, «я воссоединю с Римом весь Восток».

Но ведь времена изменились! Условия для унии стали гораздо тяжелее: то, что прежде, хотя ошибочно, могло называться *унией*, теперь должно называться *подданством, пленом*! Современный папа – не чета тогдашнему! Тогдашний заявлял, правда, разные претензии на главенство, но что же было тогдашнее главенство в сравнении с современной непогрешимостью! На папу была возможность апеллировать «ad papam melius informatum»⁶⁸. Собор в Базеле сменил одного папу, заставил другого признать себя подчиненным собору. В 1682 году французский епископат провозглашает, что без согласия и содействия вселенского собора папа *не* непогрешим... С такими папами еще можно было кое-как ладить, можно было против них защищать свою нравственную свободу; теперь не то! Как можно защищать свою самостоятельность, свою независимость, свое нравственное достоинство против человека, *имею-*

⁶⁷ В собрании сочинений 1912 года фраза «автор и не говорит» заменена на «автор не упоминает».

⁶⁸ К папе более информированному (лат.).

щего (в сфере религии и нравственности) *право провозглашать все что угодно – догматом, т.е. учением обязательным для каждого христианина!*

В виду увеличившихся затруднений для унии и уменьшившегося могущества папы, сторонники унии с Римом изменили и тактику (они применяют эту новую тактику и к частным случаям, и не без успеха!). Прежде – Рим говорил грозно, указывал на наши ереси, называл нас «фотианцами», застрашивал отлучением и адом, теперь – выражения благосклонности перемешиваются с уверениями, что в сущности наши религии почти что тождественны, что в сущности не из-за чего спорить и препираться! признайте лишь «главенство» папы. О его непогрешимости, конечно, не говорят, эту «неудобную» сторону вопроса стараются обойти, за то расточают обещания сохранить «почтенные восточные обряды» и т. п. И есть же наивные россияне, которые попадают на такую удочку!!! Этой же тактики придерживается, по-видимому, и автор разбираемой статьи; так, он старается объяснить, что даже и папская непогрешимость, в сущности, совсем не так страшна, так как папа, желающий говорить «ex cathedra», возвестить миру какое-нибудь непогрешимое вероопределение, должен будто бы предварительно спросить мнение епископата! Это совершенно неверно: ни у кого и ничего папа не должен спрашивать, ничем и никем он не ограничен, и никакого на него обязательства *constitutio dogmatica* не налагает! Г. Соловьёв впадает в явную и для него очень странную ошибку! И вот, со всем этим обращаются к нам, пережившим унию, в подробностях знающим всё то, что происходило на Ватиканском соборе, всё, что происходит в Галиции, Боснии-Герцеговине! Поистине, адвокаты папы слишком невысокого мнения о наших умственных способностях.

Нет, в Каноссу мы не пойдём, от наших зол и несовершенств мы не должны искать уврачевания ни в нашем церковном национализме⁶⁹ и субъективно-религиозном настроении, как думает г-н Победоносцев, ни в отдале их, вместе с нашею совестью, на благоусмотрение папы, как советует г-н Соловьёв. Нет, исцеления нашего мы должны искать в учении вселенской Церкви, в возвращении к ее практике, к ее жизни, и в нашем собственном христианском самосознании!⁷⁰

P.S. Статья эта была уже написана, когда в Новом Времени (15 мая⁷¹, № 7618) появилось письмо Владимира Сергеевича Соловьёва, обвиняющее меня в “существенной неточности” при воспроизведении его мыслей. Дело происходило так: 11-го мая на собрании Славянского благотворительного общества я говорил речь, коей основанием послужили настоящие «Критические заметки». О моем реферате была, в том же *Новом Времени*, напечатана краткая, но точная заметка. На эту заметку Вл.С. Соловьёв ответил письмом, в котором, между прочим, говорится следующее (передаю в точном сокращении):

1) Никакой внешней официальной унии с Римом (в смысле А.А. Киреева) я никогда не предлагал, считая ее *невозможною и нежелательною*⁷², и потому, что не имею никаких полномочий для переговоров о ней.

⁶⁹ Подходящий пример логической ошибки, называемой *contradiction in adjecto*: «Вселенско-национальная» церковь! – *Прим. А.А. Киреева.*

⁷⁰ На этой фразе заканчивается переиздание «Критических заметок» в собрании сочинений 1912 года. Дальнейший постскриптум был опубликован только в «Русском обозрении» 1897 года.

⁷¹ Опечатка. В действительности 14 мая.

⁷² В оригинале в этом месте ошибочно второй раз напечатаны слова «не предлагал».

2) Полномочие, принадлежащее всякому христианину, побуждало меня обсуждать междущерковные отношения лишь в том смысле, согласны ли они с духом Христовым. Как явно чуждые этому духу, они не могут быть признаны нормальными.

3) Эти антихристианские отношения породили тучу всяких недоразумений и предвзятых мыслей. Первым шагом для исправления их есть открытое, всестороннее и безбоязненное обсуждение всех религиозных и церковных вопросов; для сего необходима свобода исследования, без чего невозможно правильное внутреннее движение религиозной мысли и чувства. Без такого движения духовная жизнь слабеет, а при духовном сне, что может дать наружное формальное соединение создаст лишь лишний кошмар.

Оканчивает свое письмо г. Соловьев следующими словами: в этом деле, как и во всем другом, внешний результат не зависит от нас, но он и не имел бы важности сам по себе. А то, что важно и чем решается дело – то в нашей власти: неутомимое искание правды с искренним желанием мира.

Я был бы очень рад договориться с г. Соловьевым до чего-нибудь ясного и определенного и, быть может, положить конец нашей долговременной богословской полемике. В моей довольно пространной речи, переданной вкратце Новым Временем, я утверждал, что г. Соловьев рекомендует нам «унию», что он ищет в подчинении нашей Церкви непогрешимому папе – панацею от недостатков нашей церковной жизни, недостатков, которые всем ясны и на которые совершенно основательно указывает и *Московский Сборник*, и сам Вл.С. Соловьев, на которые многократно указывали и мы, славянофилы.

Под словом «уния» я понимал именно то, что все обыкновенно и понимают под этим словом (в числе всех и католические богословы), т.е. унию, в форме, значении и размерах равную той, которая была введена в Западной и Малой России на основании Брест-Литовского уклада 1596 года. Конечно, я всегда восставал против такого совета, преподанного нам г. Соловьевым и устно, и письменно, и «*explicite*», и «*implicite*». До последнего времени я (да и, вероятно, не я один, а все читатели г. Соловьева) полагал, что имею на это полное право, не только на основании того, что он высказывал прежде, но и того, что он говорит в статье *Вестника Европы*. К немалому моему удивлению, оказывается, однако, что я совершенно ошибался (и, стало быть, не я один). В письме к редактору *Нового Времени* (№ 7618) г. Соловьев, как видят читатели, говорит, что он никакой внешней официальной унии с Римом (в смысле А.А. Киреева) никогда не предлагал, но считал ее даже и невозможною, и нежелательною! (Значительно, стало быть, расходясь, по крайней мере, в этом вопросе, с его святейшеством папой.)

Это категорическое опровержение ясно только с отрицательной стороны, но оно очень неясно – если его рассматривать со стороны положительной, и, конечно, не трузмы, которые мы находим в конце письма почтенного Владимира Сергеевича, могут разъяснить эту, окутанную довольно густым туманом, сторону дела!

Г. Соловьев очень категорически заявляет, что отвергает мою унию (в моем смысле), но какая уния рекомендуется им? Не отказывается же он вообще от идеи воссоединения церквей, восстановления единства церкви? Идеи, столь дорогой нам обоим! Ведь, повторяю, я никакой своей новой унии не предлагаю и не предлагал. Я разумею и разумел всем известную унию 1596 года (Брест-Литовскую, основан-

ную на предыдущих, Флорентийской и Лионской), ту самую, о которой так усердно хлопотали прежние папы, о которой так отчаянно хлопочет и Лев XIII.

Чего желает г. Соловьев, какой иной, новой унии, каких отношений нашей Церкви к папе? Он говорит о необходимости всестороннего обсуждения, свободы исследования и т. п. хороших вещах, но разве он не может сверх всего этого сказать, к чему должны, по его мнению, привести эти исследования, какого от них можно ожидать результата? Думается мне, судя по предыдущим сочинениям г. Соловьева, что результат этот представлялся уму его в несколько более определенной форме, нежели в ту минуту, когда он писал свое письмо в *Новое Время*.

Закончу этот P.S. повторением того, что я отвечал в *Новом Времени* на письмо г. Соловьева в той же газете. Я говорил:

Если так (если г. Соловьев не желает ни моей унии – ни Брестской), не лучше ли вместо того, чтобы говорить общими местами или сивиллиными изречениями, прямо высказать свою мысль? Отчего бы г. Соловьеву не сказать просто: «Г. Киреев, вы ошиблись и ошибаетесь: ни вашей, ни Брестской унии, которой желает папа, я не желаю, а желаю я вот какую! и прямо объяснить какую!»

Пока я не получу такого точного и формального ответа, я, да простит мне почтеннейший г. Соловьев, буду считать себя вправе думать, что он недалеко ушел от унии, понимаемой так, как понимают ее все, то есть в смысле безусловного подчинения папе, вооруженному даром непогрешимости, даром и властью, ничем и никем неограниченными, то есть именно такую, которая признана за ним догматической конституцией 18 июля 1870 года⁷³. Считаю себя вправе так думать не только на основании того, что писал и прежде г. Соловьев, но и того, что он пишет в разбираемой выше статье; а писал он прежде очень определенно и ясно; напр., во введении «*La Russie et l'Église universelle*» (стр. LXVII), говоря о согласии на унию, г. Соловьев выразился так: «*Cet amen, je viens le dire au nom de 100.000.000 de chrétiens russes, avec ferme et pleine confiance qu'ils ne me désavoueront pas*»⁷⁴. Г. Со-

⁷³ Считаю полезным привести здесь самый текст этой важной «дефиниции», этого последнего слова великой западной лжи. «*Docemus et divinitus revelatum dogma esse definimus: Romanum Pontificem, cum ex Cathedra loquitur, id est, cum omnium Christianorum Pastoris et Doctoris munere fungens, pro suprema sua Apostolica auctoritate doctrinam de fide vel moribus ab universa Ecclesia tenendam definit, per assistentiam divinam, ipsi in beato Petro promissam, ea infallibilitate pollere, qua divinus Redemptor Ecclesiam Suam in definienda doctrina de fide vel moribus instructam esse voluit; ideoque eiusmodi Romani Pontificis definitiones ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae irreformabiles esse*». Отныне это единое и единственное основание всех догматов и нравственности римско-католического мира! – *Прим. Киреева*. (Заключительные строки энциклики *Pastoe Aeternus*: «Учим и догмой божественного откровения определяем: «Римский епископ, когда говорит с кафедры, то есть когда, выполняя обязанности пастыря и учителя всех христиан, своей высшей апостольской властью определяет, какого учения в вопросах веры или нравственного поведения должна держаться вся Церковь, — в силу божеского содействия, обещанного ему в св. Петре, обладает тою же безошибочностью по делам веры и морали, какую по воле божественного Икупителя должна обладать Церковь Его, когда определяет учение, относящееся к вере или нравственному поведению, а посему таковые Римского епископа определения являются неподлежащими отмене сами по себе, а не по решению Церкви» (*лат.*)).

⁷⁴ Русский текст Соловьева: «Это *аминь* я пришел сказать от имени ста миллионов русских христиан, с твердой и полной уверенностью, что они не отрекутся от меня».

ловьев говорит ныне (1897 г.), что никаких у него полномочий на обсуждение вопроса об унии нет. По-видимому, прежде, когда он отвечал «аминь» за сто миллионов русских, в уверенности, что они (мы все) одобрим его ответ, он говорил с большею уверенностью; видно, тогда он считал себя уполномоченным русской Церкви, или хоть более или менее е уполномоченным? Далее, в ответе моем, я выражал желание, чтобы г. Соловьев указал, какую унию он желает, какие отношения нашей Церкви к папе он считает нормальными, «желательными» и «возможными», и заканчивал его следующими словами:

«Смею думать, что никакие цензурные правила не помешают нам обмениваться мыслями об этих важных вопросах, *в противном случае* (я его не предвижу) *от нас будет зависеть перенести наш спор за границу*». За сим появилось еще одно письмо г. Соловьева, в котором он говорит, что, при современных обстоятельствах, он оснований своей унии указать не может.

А. Киреев

№ 11. Письмо В.С. Соловьева А.А. Александрову 17 июня 1897 г.⁷⁵

Многоуважаемый Анатолий Александрович,

Мой приятель А.А. Киреев наврал на меня как на мертвого с помощью фальшивых цитат – в таком высоком градусе наврал, что я, кажется, даже по закону могу требовать от Вас напечатания прилагаемых опровержений. Но надеюсь, что Вы это сделаете охотно не по закону, а по благодати, в память наших старых встреч у К.Н. Леонтьева и А.А. Фета.

Пришлите, пожалуйста, корректуру. Саблино, Николаевской жел. дор., Владимиру Соловьеву (имение Пустынька).

Желаю Вам всего лучшего. С.П. Хитрово, в имении которой я нанимаю дачу, сердечно Вам кланяется и благодарит за продолжающуюся присылку журнала, который она читает с большим интересом.

Получили ли Вы мою нравственную философию⁷⁶, посланную в прошлом месяце?

Душевно преданный, Владимир Соловьев.

17 июня 97 г.

№ 12. Письмо В.С. Соловьева А.А. Александрову (конец июня 1897 г.)⁷⁷

Спасибо за скорый ответ, многоуважаемый Анатолий Александрович. Обратите, пожалуйста, внимание на корректуру присланного места. Несмотря на долгую литературную деятельность, я всё еще чувствителен к опечаткам.

⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 734. Л. 1–2. Публикуется впервые.

⁷⁶ Книгу «Оправдание добра».

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 734. Л. 3. Публикуется впервые.

Непременно буду напоминать С.[офье] П.[етровне] о ее обещании, и надеюсь добыть у нее что-нибудь для Вас.

Сердечной преданный, Владимир Соловьёв.

№ 13. Соловьёв В.С. Письмо в редакцию «Русского обозрения» (июль 1897 г.)⁷⁸

М<илостивый> г<осударь>.

В июньской книге *Русского обозрения*, в статье ген<ерала> А.А. Киреева «Критические заметки», приписываются мне, с видимостью точных цитат (в кавычках и с указанием страниц), суждения и утверждения, мне не принадлежащие.

Так, например, г. Киреев (Р.О. 834), заставляет меня говорить о России такие слова: «Кончилось тем, что она сделалась *недостойна своего существования*». Подчеркнув эти слова, г. Киреев восклицает: «Сильно сказано!» Кем же, однако, сказано? На указанной им странице Вестника Европы (352) такой бессмысленной фразы нет, а есть между прочим упоминание о том, что после царствования Ивана Грозного и прекращения династии самое существование России подвергалось вопросу. Вероятно, эти слова и подали повод г. Кирееву к его мнимой «цитате».

Другой пример. Г. Киреев (Р.О. 836) приписывает мне утверждение, будто Россия до своего оплодотворения германцами в XVIII веке (не Бироном ли? – замечает он в скобках) была пустоцветом, будто мы ничем себя не заявили и т.д. – Ничего подобного у меня нет, а есть, напротив, следующее: «Славяно-финская народность, оплодотворенная германцами, – Россия с самого начала своей исторической жизни обнаружила преимущества своего религиозно-политического сознания перед византийским. Первый христианский князь киевский, который, бывши язычником, неограниченно отдавался своим естественным склонностям, – крестившись, сразу понял ту простую истину, которой никогда не понимали ни византийские императоры, начиная с Константина Великого, ни епископы греческие, между прочим и те, что были присланы в Киев для наставления новых христиан, – он понял, что *истинная вера обязывает*, именно обязывает переменить правила жизни, своей и общей, согласно с духом новой веры» (Вестник Европы, янв. 1896 г., стр. 346). Может быть, говоря о Владимире Святом, следовало пояснить, что он не был современником Бирона, но мне казалось и без того ясным, что под оплодотворением России при самом начале ее исторической жизни можно понимать только норманское влияние в IX и X веках, а никак не курляндское в XVIII веке.

Третий пример. В конце своих «Критических заметок» г. Киреев заставляет меня выражать от имени ста миллионов русских согласие на унию. Он приводит несколько французских слов и указывает страницу LXVII введения в «La Russie et l'Eglise Universelle». Вот, казалось бы, несомненная цитата! И в самом деле, французские слова – почти мои, существует указанная страница, – только об *унии* там нет и помину. Упоминается об унии несколькими страницами раньше, но как раз в смысле противоположном [sic!] тому, который хочет навязать мне г. Киреев. Вот мои слова (La Russie et l'Egl[ise] Univ[erselle], стр. LIX): «Les grandes œuvres ne

⁷⁸ Соловьёв В.С. Письмо в редакцию // Русское обозрение. 1897. №7. С. 472–474.

peuvent pas être accomplies par de petits moyens. Il ne s'agit pas d'un compromis confessionnel entre deux hiérarchies, ni d'un traité diplomatique entre deux gouvernements: c'est un lien moral et intellectuel qu'il faut avant tout établir entre la conscience religieuse de la Russie et la vérité de l'Église Universelle»⁷⁹.

То «аминь», которое цитирует г. Киреев, относится (как это явствует из контекста, не цитируемого им) не к унии, о которой говорит этот публицист, а к тому всемирно-историческому идеалу славянства, который два века тому назад предлагал России Юрий Крижанич, о котором в наши дни красноречиво говорил епископ Штрессмейстер [sic!], и который непосредственно вслед за фразой, приведенной г. Киреевым, выражен мною так: «Votre parole, ô peuples de la parole, c'est la théocratie libre et universelle, la vraie solidarité de toutes les nations et de toutes les classes, le christianisme pratiqué dans la vie publique, la politique christianisée; c'est la liberté pour tous les opprimés, la protection pour tous les faibles, – c'est la justice sociale et la bonne paix chrétienne»⁸⁰ (La Russie etc., стр. LXVII).

Полагаю, что согласие на этот христианский идеал может быть дано от имени русского народа без каких-нибудь особых полномочий.

Хотя А.А. Киреев, очевидно, имеет под руками мои заграничные сочинения, относящиеся к соединению церквей, но он зачем-то требует от меня новых объяснений по существу этого вопроса. Я указал (в Новом времени) причину, не допускающую таких объяснений, – причину реальную и несколько не зависящую от личных мнений и желаний ген. Киреева. Но если он, выражая желание «столковаться» со мною, разумеет теперешнее странное пререкание, то оно может быть приведено к желанному концу немедленно и очень просто, и это уже всецело зависит от доброй воли почтенного генерала. Вопрос маловажный, но зато ясный и вполне легко разрешимый: проповедовал ли я унию в общепринятом смысле этого слова, или нет? Ген. Киреев передает эту якобы мою проповедь *своими словами*, или же относит к ней мои слова, вовсе к ней не относящиеся. В этом еще нет ничего худого: всякому критику приходится по собственному разумению толковать мысли разбираемого автора. Но когда этот автор решительно отвергает приписанные ему мысли, то, казалось бы, для критика остается одно из двух: или взять назад свое утверждение, или сделать подлинные и точные цитаты из автора. В настоящем случае я удовольствовался бы одною действительною цитатою. Итак, если А.А. Киреев настаивает на своем утверждении, что я проповедовал унию, пусть найдет в каком-нибудь моем сочинении – французском или русском всё равно – страницу, на которой он особенно ясно усматривает такую проповедь, и приведет эту страницу целиком, – не стесняясь, конечно, распространить цитату и еще на

⁷⁹ Русский текст Соловьёва: «Великие дела не могут быть совершены малыми средствами. Дело не в вероисповедном компромиссе между двумя иерархиями и не в дипломатическом договоре между двумя правительствами: необходимо прежде всего установить моральную и интеллектуальную связь между религиозным сознанием России и Вселенской Церковью».

⁸⁰ Русский текст Соловьёва: «Ваше слово, о народы слова, это – свободная и вселенская теократия, истинная солидарность всех наций и всех классов, христианство, осуществленное в общественной жизни, политика, ставшая христианской; это свобода для всех угнетенных, покровительство для всех слабых; это социальная справедливость и добрый христианский мир».

полстраницы, если это будет нужно по связи речи. Отчего бы почтенному генералу, произвольно требующему от меня вещей трудных и даже невозможных, не исполнить такого легкого и вполне основательного требования?

Владимир Соловьёв.

**№ 14. Киреев А.А. Письмо в редакцию «Русского обозрения»
(сентябрь 1897 г.)⁸¹**

Письмо почтенного⁸² В.С. Соловьёва, напечатанное в Июльской книжке *Русского Обозрения* [1897 г.], вынуждает меня к ответу и к некоторым дополнительным разъяснениям и цитатам, далеко выходящим за пределы предположенной мною полемики.

Меня побуждает к этому не только желали: исправить неточности, вкравшиеся в мои «Критические заметки» и указанный мне г. Соловьёвым, но и надежда выяснить взгляды одного из наших выдающихся публицистов на отношения нашей церкви – к церкви латинской. В настоящее время вопрос о сближении церковей и даже об их унии выдвинулся с особенною силою и занимает всех мыслящих людей. В англиканской церкви стремление к сближению с Востоком выразилось несомненною искренностью, во время пребывания в Англии высокопреосвященнейшего Антония, архиепископа Финляндского и Выборгского (ныне митрополита С.-Петербургского): перед его отъездом из Довера [Дувра] тысячи людей (англикан) становились на колена, принимая его архипастырское благословение!

Г. Соловьёв посвятил немало талантливых страниц обсуждению этих вопросов; да и мне это дело близко и дорого – я им занимаюсь более четверти столетия, со времени возникновения старокатоличества, одного из драгоценнейших результатов Ватиканского собора, который окончательно и бесповоротно выяснил значение современного папства и этим значительно расчистил почву для дальнейших исследований.

Начну с *частных* и более формальных пререканий между мною и В.С. Соловьёвым, а затем перейду к вопросу об унии, представляющему значительный и *общий* церковный и общекультурный интерес⁸³.

Неточности и неполноты, на которые указывает мой оппонент, состоят в следующем⁸⁴:

⁸¹ Русское обозрение. 1897. №9. С. 389–405. В сокращении и с некоторыми изменениями опубликовано в издании: Киреев А.А. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1912. С. 240–248. В дальнейшем отмечены разночтения двух изданий.

⁸² Слово «почтенного» удалено из переиздания 1912 года.

⁸³ Слова «церковный и общекультурный» добавлены в переиздании 1912 года, при этом удален курсив со слов «частных» и «общий».

⁸⁴ «Я делал цитаты по старым заметкам, и в них действительно вкратились некоторые ошибки, которые я охотно исправляю, надеюсь, что в настоящем мое письмо г. Соловьёв найдет такие цита-

185. Я приписал г. Соловьеву следующие слова: «Кончилось тем, что Россия сделалась недостойна своего существования», – при чем сослался на страницу (именно на 352).

«Кем же это сказано?» – спрашивает г. Соловьев, – «на стр. 352 такой бессмысленной фразы нет, а есть упоминание о том, что после царствования Ивана Грозного существование России подвергалось вопросу». «Вероятно, эти слова», продолжает г. Соловьев, «и подали повод г. Кирееву к его мнимой цитате». Нет. Повод этот налицо, я лишь ошибся страницей, я имел в виду не 352 стр., а 356; а самое дело состоит, в следующем. Течение мысли в статье «Византизм и Россия»⁸⁶ таково: Византия пала вследствие того, что отрицала на деле ту христианскую истину, которую она исповедовала на словах; тем же недугом заразилась впоследствии и Россия. Но вначале было не то: при Владимире Святом Россия сознавала свое религиозно-политическое значение; это христианское сознание не умерло в России с первым его выразителем, оно жило и при Владимире Мономахе (стр. 348); извратилось оно лишь впоследствии.

При Иоанне Грозном положение дел было уже совсем иное. Его царствование было повторением того противоречия, которое погубило Византию (стр. 351). Но (стр. 352) отступление царя от идеи христианского царства «не было только личным грехом Ивана IV. Двоедушие царя... поддерживалось и в известном смысле извинялось двоеверием русского народа». «Против (355) вавилонского типа монархии»... восстала «клерикальная реакция», но в окончательном результате к добру не привела; по видимому, это и хорошо, ибо «превращение Московского патриарха в какого-то восточного quasi-папу одичало бы вполне невозможным какое бы то ни было сближение России и Востока с *настоящим* (курсив мой) римским папством». Вот, подумаешь, какой мы опасности подвергались. А видно, возможность этого сближения очень дорога для г. Соловьева. Итак, в допетровскую эпоху Россия (которая вначале сознавала себя христианскою) уже двоеверила, шла по стопам Византии и т. п. Она хотя и признавала свою несостоятельность, но не имела реальной возможности стать христианским государством. Вот эту «реальную *возможность стать христианским государством*» и дал ей Петр Великий, «сблизив ее с европейским просвещением» (курсив мой) (стр. 357). «До Петра Россия *существовала* (356) (курсив мой), но историческому народу существовать мало, народ должен стать *достойным* (курсив г. Соловьева) существования». Спрашивается: что же тут сказано? Сказано, что Россия, правда, существовала, но не имела в московский период реальной возможности *стать* христианским царством, стать *достойною* существования: это говорит г. Соловьев на стр. 356 и 357, я же обвинил его в том, что он сказал, что Россия «*сделалась недостойна своего существования*» на стр. 352... Вместо того, чтобы сказать не могла, не имела реальной возможности вновь быть, *стать* достойною, я сказал: *сделалась* недостойною своего суще-

ты, которые окажутся и более полными, и безусловно точными». – Прим. А.А. Киреева. (Данное примечание отсутствует в переиздании 1912 года. – М.М.)

⁸⁵ Дальнейшая нумерация в статье отсутствует.

⁸⁶ «Вестник Европы». 1896 г. №№ 1 и 4.

ствования; вот и все. Грех – надеюсь, не из смертных! (peccatum veniale). Индальгенции можно получить?

Перехожу к следующему греху: говоря о «германцах», оплодотворивших нашу славянофинскую народность, г. Соловьев разумел собственно скандинавов, то есть Рюрика с братьями и дружиной; я же думал, что он говорит о немцах! Конечно, скандинавов можно назвать германцами (хотя мне кажется, было бы правильное называть их – их специфическим именем). Однако, так или иначе, я ошибся; но, думается, и эта ошибка моя невелика: ведь, и по мнению г. Соловьева, настоящее окончательное «оплодотворение» России произошло при Петре, «сближением с Европой, с теми же, стало быть, «немцами». Ведь оплодотворительное влияние Рюрика выветрилось: русский народ уже не мог, не имел «реальной возможности» стать достойным своего существования... не вправе ли я был спросить: «значит, Россия (до Петра) была пустоцветом»?

Надеюсь, что и на этот грех можно «выправить» себе индальгенцию.

Перехожу к третьему, главному, действительно серьезному пункту обвинений. Вопрос сводится к следующему: говорит ли или не говорит г. Соловьев об унии, желает ли он ее – или не желает? Это уже не «скандинавы» или «немцы», не «была недостойна» или «сделалась недостойна». Тут вопрос серьезный, да и ставится он ребром!

Я сказал, что г-н Соловьев стремится к унии и дал на нее согласие, ответил «аминь» на продолжение унии. Г. Соловьев отвергает это и говорит, что я ему навязываю такое понятие об «унии», о котором в его книге «La Russie et l'Église universelle» нет и помину.

Разберемся. Действительно, *слово* уния произнесено не было – но, мне кажется, *мысль* о такой унии выражена яснее дня! Пусть судят читатели: я не позволю себе обвинить моего оппонента в том, в чем такт, часто оказываются виноватыми католические полемисты: в том, что они преднамеренно маскируют свои мысли, окружают их густым туманом. – Однако и там, где говорится у г. Соловьева об унии – есть немало тумана, который бы очень было желательно рассеять раз навсегда!

Что такое уния (церковная)? какие отношения устанавливаются ею, какие имела она последствия?

Уния есть соединение двух церквей на некоторых, заранее, установленных условиях; причем члены этой унии, удерживая некоторые свои обрядовые особенности, признают один источник догматической истины.

Что же находим мы в статьях *Вестника Европы* и в особенности (в большей подробности) в цитируемой мною книге (La Russie et l'Église universelle), а также в «L'Idée Russe»? В них, в особенности в книгах, совершенно ясно указывается на унию с Римом, как на *конечный* и *желательный* результат всей русской истории. Если бы желания г. Соловьева исполнились, если бы Россия стала к Риму в те отношения, о которых он говорит, она бы именно *вступила с ним в унию*, т.е. выдала бы себя головой своему злейшему врагу, папе, врагу ее веры!

Конечно, всему делу дается самый безобидный, миролюбивый вид. Нас уверяют, что все дело – в одном признании папского «главенства», что стоит лишь

признать папу нашим отцом, и все пойдет как следует, что, впрочем, пока дело касается собственно не унии, а скорее некоторых теоретических, чуть не отвлеченных отношений ко вселенской Церкви, этой *église universelle*⁸⁷. Может быть, и сам В.С. Соловьёв не вполне ясно видит, куда он советует нам идти!

Действительно, что говорит г. Соловьёв? Опровергая мое обвинение, утверждая, что он и не думает об унии в обыкновенном, общепринятом смысле, что он никакого согласия на унию не давал, что если в приводимых мною страницах упоминается об унии, то как раз «в смысле противоположном тому, который хочет навязать мне генерал Киреев»... При этом он ссылается на следующую фразу в «La Russie et l'Eglise universelle»: «Les grandes œuvres ne peuvent pas être accomplies par de petits moyens. Il ne s'agit pas d'un compromis confessionnel entre deux hiérarchies, ni d'un traité diplomatique entre deux gouvernements: c'est un lien moral et intellectuel qu'il faut *avant tout* établir entre la conscience religieuse de la Russie et la vérité de l'Eglise Universelle»⁸⁸. Казалось бы, что мы толкуем о каких-то очень хороших, но ни к чему непосредственному не обязывающих вещах: «об истине», «о религиозном самосознании» и т. п. Вот, говорит г. Соловьёв, о чем прежде всего должно думать, а не о каком-либо вероисповедном компромиссе; между двумя иерархиями, или о каком-либо дипломатическом договоре между двумя правительствами. Вот о чем нужно позаботиться прежде всего, *avant tout*! Прекрасно! ну, а *après tout*, а после всего?... Но ведь это очевидный капкан! Уже и эта фраза с своим «*avant tout*» очень подозрительна; а к чему придем мы впоследствии, т.е. *après tout*? В какие отношения должны мы стать к представителю (мнимому, конечно) этой «истины вселенской церкви»? Ответ на все это мы находим в той же книге. О роде этих отношений г. Соловьёв говорит очень ясно и определенно; оказывается, что истина – истиной и совесть – совестью, а материальное могущество – могуществом.

Г-н Соловьёв, не заботящийся об унии, с ее обязательными задачами, там же где он уверяет, что дело идет не о каком-либо компромиссе или дипломатическом трактате, спрашивает, не найдется ли где-нибудь власть, какое-нибудь государство (*une puissance*), способное снова взяться за дело Карла Великого (*une puissance capable de reprendre avec un meilleur espoir l'oeuvre de Charlemagne*)⁸⁹. Оказывается, стало быть, что отыскивают нового Карла Великого, что «представитель вселенской церкви» – папа нуждается и в мировом могуществе; оказывается, что усилия Пипина Короткого и Карла Великого не привели к желанному результату, что хотя кающийся Генрих IV явился босоногий и в рубище к маркграфине Матильде в Каноссу, где гостил Григорий VII (хороша перспектива для преемника царя Николая I!), однако, в конце концов, Запад выбился из железных объятий чадолюбивого

⁸⁷ Фраза «этой *église universelle*» отсутствует в статье 1897 года и добавлена в переиздании 1912 года.

⁸⁸ Русский текст Соловьёва: «Великие дела не могут быть совершены малыми средствами. Дело не в вероисповедном компромиссе между двумя иерархиями и не в дипломатическом договоре между двумя правительствами: необходимо *прежде всего* установить моральную и интеллектуальную связь между религиозным сознанием России и Вселенской Церковью».

⁸⁹ Русский текст Соловьёва (приведенный Киреевым в сокращении): «Власть, способная [вновь и] с лучшей надеждой на успех взяться за дело [Константина и] Карла Великого».

отца-папы. Так вот: нельзя ли поправить дело; кем-нибудь заменить Карла и его франков? – Как же! Извольте! Кандидаты готовы – отвечает г. Соловьев: «Le caractère profondément religieux... (стр. LIX) du peuple russe [...] la grande force latente de l'esprit national en contraste avec la pauvreté et le vide de son existence actuelle — tout cela paraît indiquer que la destinée historique de la Russie est de fournir à l'Église Universelle le pouvoir politique qui lui est nécessaire pour sauver et régénérer l'Europe et le monde»⁹⁰. Так вот, значить, до чего мы договорились! Вот wo der Hund begraben ist!⁹¹

Итак, устанавливаются не только un lieu moral et intellectuel⁹², но еще мобилизуются и три миллиона русских штыков для восстановления власти и прав его «святейшества»! Но может, быть я опять взвожу напраслину на моего оппонента, может быть тут идет речь совсем не о папе, а о действительной вселенской, семи-соборной Церкви, которой мы, русские, конечно, готовы всячески служить, и пером, и мечом (последнее доказывает вся наша история); может, быть «Аминь» г. Соловьева относится именно к ней? тогда, конечно, он не нуждался ни в каком полномочии для того, чтобы говорить за сто миллионов своих сограждан-единоверцев. Конечно, все мы, православные, готовы «служить этой нашей, святой соборной и апостольской церкви!» К сожалению, та «Église Universelle», о которой трактует г. Соловьев, которой он желает, чтобы мы служили, совсем не та, которой мы желаем служить, стало быть на наш Аминь рассчитывать ему не приходится! Для того, чтобы говорить от нашего имени Аминь, г-ну Соловьеву предварительно следовало бы заручиться согласием его cent millions de coreligionnaires!

Действительно, вот что говорить мой почтенный оппонент: «Comme membre de la vraie et vénérable Église orthodoxe orientale ou gréco-russe qui ne parle pas par un synode anti-canonique, ni par des employés du pouvoir séculier, mais par la voix de ses grands Pères et Docteurs, je reconnais pour juge suprême en matière de religion celui qui a été reconnu comme tel par (следуют имена разных Отцов Церкви, признававших часто в очень напыщенных выражениях *первенство* папы⁹³) – à savoir l'apôtre Pierre, qui vit dans ses successeurs...» Стало быть, мы видим, что за вселенскую

⁹⁰ Русский текст Соловьева (приведенный Киреевым в сокращении): «Глубоко религиозный [и монархический] характер русского народа, [некоторые пророческие факты в его прошлом, огромная и сплоченная масса его империи], великая скрытая сила национального духа, стоящая в таком противоречии к бедности и пустоте его теперешнего существования, – все это указывает, по-видимому, что исторические судьбы судили России дать Вселенской Церкви политическую власть, необходимую ей для спасения и возрождения Европы и всего мира».

⁹¹ Вот где собака зарыта! (нем.). Данное восклицание отсутствует в статье 1897 года и добавлено в переиздании 1912 года.

⁹² Моральное и интеллектуальное место (франц.).

⁹³ Русский текст Соловьева (приведенный Киреевым в сокращении): «Как член истинной и досточтимой православной восточной или греко-российской Церкви, говорящей не устами антиканонического синода и не чрез посредство чиновников светской власти, но голосом великих Отцов и Учителей своих, я признаю верховным судьей в деле религии того, кого признали таковым [святой Ириной, святой Дионисий Великий, святой Афанасий Великий, святой Иоанн Златоуст, святой Кирилл, святой Флавиан, блаженный Феодорит, святой Максим Исповедник, святой Феодор Студит, святой Игнатий и т. д.,] – а именно апостола Петра, живущего в своих преемниках...».

Церковью, к служению которой, а стало быть и к соединению, к унии с которой нас приглашают, – есть не более и не менее как римско-католическая церковь непогрешимого папы и сам этот папа.

В пророческих выражениях обрисовывает он будущность нашего племени: «Esprit immortel du bienheureux apôtre, – говорит г. Соловьев, – ministre invisible du Seigneur dans le gouvernement de son Église visible, tu sais qu'elle a besoin d'un corps terrestre pour se manifester! Deux fois déjà tu (т.е. дух ап. Петра) lui as donné un corps social: dans le monde gréco-romain (при Константине Равноапостольном) d'abord et puis dans le monde romano-germain (при Карле Великом)... Après ces deux incarnations provisoires elle attend sa troisième et dernière incarnation (смею уверить, что эта третья попытка воплощения будет еще гораздо неудачнее двух первых!). Tout un monde plein de forces et de désirs, mais sans conscience claire de sa destinée, frappe à la porte de l'histoire universelle (стр. LXVII)⁹⁴. Ouvre leur donc, porte-clefs du Christ!»⁹⁵ Вот, стало быть, в чем дело!

Итак, мы видели:

1) что г. Соловьев признает непогрешимого папу – главой всей церкви и верховным судьей в делах веры,

2) что он полагает, что Россия (славянский мир) должна отдать себя в распоряжение этого папы.

Мне кажется, что уже и этих двух положений совершенно достаточно для того, чтобы сказать, что они составляют несомненнейшую полную проповедь унии, даже усиленной, ибо уния с папой уже совершена, когда он признается главой церкви и непогрешимым учителем, а тут еще члены присоединяемой церкви поступают к нему па службу в качестве «франков» новейшей формации. Чего же больше? Чего же еще недостает? Далее идти некуда! Г. Соловьев упрекает меня в том, что я сказал, будто он отвечает «Аминь» на призыв к унии, в то время как он сказал «Аминь» не на призыв к унии, а на то, что ответят славяне (peuples de la parole⁹⁶, слово, славяне) на вопрос об их всемирно-историческом идеале – но ведь мы видели, что этот идеал, по мнению г. Соловьева, и есть подчинение папе, т.е. уния: так о чем же спорить? Разве это не одно и то же?

В подтверждение своих слов г. Соловьев ссылается на Крижанича и Штрессмейера, как на славянских провозвестников этого идеала. О Крижаниче говорить нечего, ибо папство его времени было совсем не современное нам папство, а совершенно другое; при том он имел в виду не столько задачи богословские, сколько

⁹⁴ Русский текст Соловьева (приведенный Киреевым в сокращении): «Бессмертный дух блаженного апостола, невидимый служитель Господа в правлении видимой Церковью Его, ты знаешь, что ей нужно земное тело для своего проявления! Ты уже дважды дал ей общественное тело: сначала в греко-римском мире и затем в мире романо-германском, [- ты покоришь ей империю Константина и империю Карла Великого]. После этих двух предварительных воплощений она ждет третьего и последнего воплощения своего. Целый мир, полный сил и желаний, но без ясного сознания судеб своих, стучится в двери мировой истории».

⁹⁵ Русский текст Соловьева (приведенный Киреевым в сокращении): «Открой же им, ключарь Христов!»

⁹⁶ Народы слова (франц.).

политические. Остается Штрессмейер. Мы знаем его прежние заслуги, знаем даже и его былые мечты о самостоятельной славянской церкви; знаем, наконец, что вначале он упорно боролся против нового догмата, понимая его нелепость, но несомненно знаем и то, что теперь он ему подчинился (и конечно не «*laudabiliter*»), стал, стало быть, инфантилистом, подданным папы (а стало быть, и нашим врагом), проповедником его идей, и стало быть и задушевнейшей мечты папы Льва XIII, а именно унии! Есть даже данные, заставляющие предполагать, что он не чужд тем притеснениям, которым подвергается православная церковь в Боснии и Герцеговине, не чужд и чисто римской пропаганде.

Отвечающий ему «Аминь» говорит, стало быть, «Аминь» и его деятельности, его идеям, его стремлениям, *несомненно, папистическим*. Нет, на такой «Аминь» следовало бы предварительно заручиться согласием этих *cent millions de mes coréligionaires!*⁹⁷

Не одними, стало быть, теоретическими, несомненно, похвальными пожеланиями, вроде исчисляемых г. Соловьевым (*la théocratie libre et universelle, la liberté pour les opprimés*⁹⁸ и т. п.), ограничивается дело, нет! *на поверку оказывается уния*, и даже *весьма практическая!*

Г-н Соловьев говорит, что я имею в руках его сочинения, но зачем-то требую от него новых объяснений. Зачем?!⁹⁹ да все по тому же поводу, по той же причине; потому, что в своих сочинениях он говорит про такие отношения к папе, которые попросту называются унией; что он старается доказать их законность, необходимость, а в своих письмах в *Новое Время* и в письме в *Русское Обозрение* говорит, что об унии он даже и не упоминает, или если и упоминает, то в ином совершенно смысле! Это дает мне полное основание настаивать на ответе. Никто, конечно, не вправе ставить человеку вопросы об его религиозных или политических убеждениях, если он не подает повода к таким вопросам, но мне кажется, что если человек этот публицист, если он высказывает и словесно, и печатно свои мысли о церковных вопросах, всякий из его читателей в праве просить у него разъяснений, в особенности когда разъяснения эти не связаны *ни с каким для него затруднением*. Это я говорил в моих ответах в *Новом Времени* и повторяю и ныне. Если бы здесь, в России, встретились затруднения нашей научной полемики – чего я решительно не допускаю (имея на это положительные данные), то предлагаю перенести полемику эту за границу. Впрочем, мне кажется, что если мысль г-на Соловьева полукоткрыта в *Вестнике Европы*, она открывается *совершенно* в «*La Russie et l'Église Universelle*» и еще более в «*L'Idée Russe*».

Я не предполагал делать так много цитат из заграничных изданий г. Соловьева, но вынужден к этому нашей, признаюсь на этот раз, неожиданной для меня полемикой. В «*L'Idée Russe*» совершенно ясно высказывается та же мысль, что и в «*La Russie et l'Église Universelle*», а именно, что папа – глава христианства, «*chef de*

⁹⁷ Ста миллионов моих единоверцев (*франц.*). Весь данный абзац отсутствует в переиздании 1912 года.

⁹⁸ Свободная и универсальная теократия, свобода для угнетенных (*франц.*)

⁹⁹ В переиздании 1912 года: «как зачем?!»

la chrétienté» (стр. 15), что вначале у нас было истинное христианство, но что затем Россия впала в состояние дикости (московский период) и что Петр I поставил ее на истинный путь, сблизив ее с Западом (там же, стр. 15): «Le peuple russe tomba dans un état de barbarie grossière relevée par un orgueil national stupide et ignorant, quand, oubliant le christianisme de St. Vladimir, la piété moskovite s'acharna a des disputes absurdes...»¹⁰⁰. (В сущности то же, что и в *Вестнике Европы*).

И современная Россия (должно, впрочем, заметить, что книга издана в 1888 году) не удовлетворяет моего оппонента. Так, он находит, что с наличными нашими нравственными средствами мы не должны соваться в Царьград! «Que pouvons nous y apporter, спрашивает он, si non l'idée payenne de l'État absolu, les principes du césaro-papisme, que nous avons emprunté au grecs. Non! ce n'est pas la Russie que nous voyons... la Russie possédée par un nationalisme aveugle et un obscurantisme effréné... qui pourra jamais... terminer la fatale question d'orient...»¹⁰¹.

Все это, кажется, написано ab irato¹⁰², все это несомненно преувеличено, предсказания делаются самые невероятные, например: если Россия не изменит своего направления (1888 г.)... «les Bulgares (une force beaucoup moins douée... mais plus consistante dans son infériorité), nos protégés bienaimés d'hier... seront nos rivaux triomphante et maitres de la vieille Byzance...»¹⁰³.

Несомненно, многое у нас в нашей церковной жизни идет нехорошо; ни один добросовестный человек оспаривать этого не будет; уверять, что у нас все хорошо, что у нас «тишь да гладь, да Божия благодать», могут только слепые или... Ни один честный человек этого не будет отрицать; этого не отрицает ни И.С. Аксаков, которого цитирует г. Соловьев, ни К.П. Победоносцев в изданном им «Московском сборнике». Я же (так как дело идет и обо мне) – еще менее... если отбросить стилистические преувеличения, то, что французы называют *des intemperances de langage*¹⁰⁴, так я во многом соглашусь с критикой В.С. Соловьева, но ведь дело не только в оценке настоящего, но и в обсуждении будущего в оценке средств, нам предлагаемых для того, чтобы выйти из наших затруднений. Я утверждаю, что г. Соловьев указывает нам путь безусловно неверный, *путь этот я называю унией* и имею на это полное основание. Я вполне согласен с тем, что не

¹⁰⁰ Русский текст Соловьева: «Русский народ опустился до грубого варварства, подчеркнутого глупой и невежественной национальной гордостью, когда, забыв истинное христианство Святого Владимира, московское благочестие стало упорствовать в нелепых спорах об обрядовых мелочах».

¹⁰¹ Русский текст Соловьева: «Что можем мы принести туда, кроме языческой идеи абсолютного государства, принципов цезарепапизма, заимствованных нами у греков [и уже погубивших Византию? В истории мира есть события таинственные, но нет бессмысленных]. Нет! Не этой России, какой мы ее видим теперь, [России, изменившей лучшим своим воспоминаниям, урокам Владимира и Петра Великого,] России, одержимой слепым национализмом и необузданным обскурантизмом, не ей [овладеть когда-либо вторым Римом и] положить конец роковому восточному вопросу».

¹⁰² В гневе (*лат.*).

¹⁰³ Русский текст Соловьева: «Болгары, вчера еще столь любезные нам [и покровительствуемые нами,] сегодня презренные бунтовщики в наших глазах, завтра станут нашими торжествующими соперниками и господами древней Византии».

¹⁰⁴ Несдержанность языка (*франц.*).

для одной России, но и для всех стран и народов единственный путь к усовершенствованию, к настоящему преуспеянию состоит в подчинении своекорыстного и тупого национального и узко-церковного эгоизма высшим велениям христианской нравственности, в следовании указаниям вселенской Церкви, в полном отождествлении жизни гражданской с жизнью церковной, в полной с нею унии. Г. Соловьев желает того же самого, но – в унии с папою; его вселенская церковь, его *Église Universelle* и есть *église du Pape*.

Я обеими руками (да, конечно, и не я один) готов подписаться под такой фразой, например, как следующая (стр. 20): «Participer à la vie de l'Église universelle, au développement de la grande civilisation chrétienne... voilà le seul but véritable, la seule vraie mission de chaque peuple...»¹⁰⁵, – кто же с этим не согласится?! Прежние славянофилы всегда это говорили и повторяли, и мы тоже это повторяем, но средством против неудовлетворительного положения дел мы считаем возвращение к жизни и к учению *вселенской Церкви*; а г. Соловьеву таким средством представляется признание папы верховным и непогрешимым учителем всего христианского мира и отдача в его распоряжение не только нашей христианской жизни, но и наших материальных сил. Этому папу Соловьев признает непогрешимым учителем («*chef infaillible du sacerdoce, Pontife universel...*»¹⁰⁶), а «le chef de l'État», т. е. новый Карл Великий, русский царь, «doit penser et agir en vrai fils de l'Église universelle représentée par le Souverain Pontife»¹⁰⁷).

Да кто же отказался бы подчиниться папе, если бы он *был действительно непогрешим*? Ведь он бы действительно был тогда вице-Богом, Богом на земле? Но беда-то в том, что *ничего этого нет, что папа совсем не непогрешим*, что и сам апостол Петр таковым не был, что и три известные текста, приводимые папистами, ничего подобного не доказывают! (ведь это было разобрано и выяснено тысячу раз), что епископ Рима совсем не единственный наследник апостола Петра, который (даже ранее) был епископом Антиохии или, по крайней мере, управлял антиохийскою церковью и поставил ей епископа Еводия, что и самое приматство римского епископа – «*de jure ecclesiastico*», а не «*de jure divino*»¹⁰⁸. Всё рассуждение г. Соловьева – лишь талантливо изложенная *petitio principii*¹⁰⁹.

Итак, не вправе ли я утверждать, что г. Соловьев говорить об унии, о самой полной унии?¹¹⁰

¹⁰⁵ Русский текст Соловьева: «Участвовать в жизни вселенской Церкви, в развитии великой христианской цивилизации, [участвовать в этом по мере сил и особых дарований своих,] вот в чем, следовательно, единственная истинная цель, единственная истинная миссия всякого народа».

¹⁰⁶ Русский текст Соловьева: «Вселенского первосвященника (непогрешимого главы священства)».

¹⁰⁷ Русский текст Соловьева: «Глава национального государства, [если он достоин врученной ему власти,] должен мыслить и действовать как истинный сын Вселенской Церкви (представленной Верховным Первосвященником)».

¹⁰⁸ «По церковному праву», а не «по божественному праву» (лат.).

¹⁰⁹ Данное предложение присутствует только в первом издании статьи и снято в собрании сочинений 1912 года.

¹¹⁰ На этой фразе заканчивается текст переиздания данной статьи в собрании сочинений Киреева 1912 года. Однако в оригинальной статье 1897 года за ней следует приведенный ниже текст.

Для пояснения нашего спора, привожу мою переписку с г. Соловьёвым в *Новом времени* (на нее ссылается мой почтенный оппонент). (Курсивы – мои.)¹¹¹

<...>

Мой почтенный оппонент говорит, что нам (ему и мне) не трудно «столковаться», и что это зависит от меня (Киреева) (стр. 472–3 Русского Обозрения, июль). Вопрос, говорит он, состоит в том, «проповедовал ли я (Соловьёв) унию в общепринятом смысле этого слова или нет?». Я утверждаю, что да: на это г. Соловьёв, возражает след.<ующее>: «Но когда этот автор решительно отвергает приписанные ему мысли, то, казалось бы, для критика (то есть для меня, К.) остается одно из двух: или взять назад свое утверждение, или сделать подлинные и точные цитаты из автора».

Мне кажется, что на этот раз я привел именно такие цитаты; насколько они убедительны – пусть судят читатели; если же почтенный Владимир Сергеевич ими не убеждается, говорит, что это все же не уния в общепринятом смысле, то не логична ли моя просьба сказать, в чем же состоит *ваша* уния и чем она отличается от той, о которой мечтали папы и мечтает Лев XIII? Ведь их понимание унии, думаю, выразилось довольно ясно в унии брестской?

Павловск, 28 июля 1897 года

№ 15. Киреев А.А. Характеристика Вл.С. Соловьёва¹¹²

Владимир Сергеевич Соловьёв – один из выдающихся наших мыслителей, был разносторонне образованный человек и беззаветно преданный служению мысли, человек настойчивый, бесстрашно излагавший свои взгляды, хотя бы взгляды эти шли вразрез с общепринятыми. Свойство у нас, к сожалению, очень редкое, отсутствием которого у нас страдают так многие. Укажу, например, на Тургенева. Как он нервно справлялся о том, какое впечатление произведет на публику то или другое его писание, как он боялся того, что скажет о нем молодое поколение, то поколение, мыслью которого он, благодаря своему громадному таланту, был призван властно руководить и перед наивными криками которого он “пасовал”. Этот страх был совершенно незнаком Соловьёву и это объясняет его обаяние. Самый дебют его перед публикой и притом очень внушительного состава (в Обществе любителей духовного просвещения, в котором участвовали не только высшие сановники государства, но и выдающиеся богословы), он смело, слишком смело (потому что недостаточно подготовлено и доказательно) выступил с мыслью, которая считалась присутствующими великой ересью (о *не* вечности загробного наказания). Таковым он остался и до своей смерти. Немало должно было иметь и гражданского мужества, чтобы выступить в начале 70-х годов с проповедью христианства! Благодаря этому свойству он бы мог иметь громадное влияние на тогдашнюю

¹¹¹ Далее перепечатаны две заметки Соловьёва и две – Киреева. См. выше документы № 2–5. После этого текст завершается приводимыми ниже двумя абзацами и датой 28 июля.

¹¹² ОР РНБ. Ф. 349. Д. 4. Л. 1–4. Публикуется впервые.

молодежь; к несчастью, этого не случилось благодаря тому, что Соловьев склонился к римскому католицизму.

Причины такого рокового поворота в мысли Соловьева останутся, полагаю, неразъясненными, во всяком случае, в этом явлении собственно мысль играла, мне кажется, второстепенную роль, он поддался чувствам и притом сложным, они заставили его перейти на сторону Рима. Такой глубоко образованный человек и притом *богословски* образованный, не мог не видеть всей явной беззастенчиво утверждающейся лжи нового догмата личной папской непогрешимости. И именно ввиду этого чудовищного факта Соловьев выступил ее апологетом, стараясь затушевать ее, свести на нет; стал проповедовать унию с Римом! Это, конечно, повлияло и на отношения его к его прежним единомышленникам, которые от него отшатнулись и в особенности с того времени, когда он выступил поборником унии с Римом (другими словами, *подчинения* непогрешимому папе), не только в иностранной печати, но и как публичный чтец (*conférencier*)).

Повторяю, проследить историю этого ультрамонтанского направления мысли Соловьева нелегко. Во всяком случае, причины перемены в его мыслях сложны. Он сначала думал действовать ~~в среде богословской, но он не только встретил за-
служенный отпор своим законченным... ошибочному пониманию~~¹¹³. Он не нашел в ней ни того единства в мнениях, но встретил такие явления, которые не сходились с его мечтами об отношениях мира и церкви, и ему показалось, что он их найдет в церкви римской и всецело отдался этой идее; не замечая, что многое неприглядное, что он видел дома, исправимо, существует, потому что идея православной церкви еще в недостаточной мере применена к жизни нашей церкви ~~тогда~~ ~~как~~ и нашего государства, что, стало быть, недостатки нашей церковной жизни исправимы, в то время как недостатки церкви римской – неисправимы, ибо ее коренная ложь (декреты 1870 г.) *вечно* будет над нею тяготеть. Не заметя всей фальши римского учения, Соловьев, очертя голову, выступил в защиту Рима и открыл полемику, которая конечно не могла кончиться для него успешно.

Впоследствии Соловьев возвратился к более правильному взгляду на вещи, хотя папа для него всё же оставался “главой” церкви.

Соловьев один из многих, обращающихся сначала к нашей церкви (Толстой, Горький... и многие другие), но отшатавались от нее из-за ее сухого формализма, суеверий...

¹¹³ Здесь и далее зачеркнуто Киреевым.